

БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЙ ТРАФИК I

ПОТЕРЯННЫЕ НАВСЕГДА

НУНО МУРАИШ

Nuno Morais

Потерянные Навсегда

«Tektime S.r.l.s.»

Morais N.

Потерянные Навсегда / N. Moraes — «Tektime S.r.l.s.»,

Невольное и неожиданное погружение в пучину самого гнусного трафика. Приключение, которое приведет Калле Небулони из Лиссабона в Бразилию и в самые глубокие уголки Амазонки в поисках ответов на загадку, оставшуюся после неожиданной смерти родителей и сестры. Карл «Калле» Небулони потерял родителей и сестру в автокатастрофе. В Лиссабоне, где он живет, он разрывается между работой и заботой о своей племяннице, единственной выжившей в той аварии. Но действительно ли эта авария случайность? Обнаружив новые и тревожные доказательства Калле внезапно понимает, что смерть его семьи не была результатом злой случайности. Что заставило их исчезнуть? Кому это выгодно? Связано ли это исчезновение со зловещими событиями на другом краю земли, которые стали причиной смерти группы исследователей, вдруг заинтересовавшихся похищениями и незаконными усыновления детей? И эти похищения и нарушения закона случайны или за этим стоит что-то более зловещее и ужасающее? Калле придется столкнуться со своим страхом раскрыть правду и самостоятельно разгадать загадку, в отгадке которой, похоже, не заинтересована власть.

© Moraes N.

© Tektime S.r.l.s.

Содержание

ОДИН:	7
ДВА:	16
ТРИ:	28
ЧЕТЫРЕ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нуно Мураиш
Потерянные навсегда
Цикл Бесчеловечный трафик
Том 1

Перевод

Святослава Альбирео

Потерянные навсегда

Бесчеловечный трафик 1

Нуно Мураиш

www.nunomorais.eu

goodreads.com/nunomorais

facebook.com/NunoMorais.Feicebuque

instagram.com/nunomorais.eu linkedin.com/in/nuno-morais-autor-de-aventuras-inverosimeis

© 2007 Nuno Morais

Все права защищены.

© 2021 Перевод Святослава Альбирео

www.facebook.com/EyvAlbireoMKG

© 2021 Обложка Б. Б. Олшина

www.benjaminbolshin.net

Сфинксу

Поскольку, возможно, ему понравилось

Работы Нуно Мураиш

Романы:

Бесчеловечный трафик:

Потерянные навсегда

Перекрестки судьбы

Тайная война

Романы:

Вот бы ты был здесь

Двери

Неблагополучный исход

Благодарность

Марио Сантосу Ногейре, Луисе Мартинесу Азеведу и Пауло Кордейро де Соуза, за то, что терпели меня больше, чем обязывает дружба, все то время, длиной в бесконечность, между написанием и публикацией этой книги.

Антонио Лобо Антунесу и Марсело Ребело де Соуза, критика и поддержка которых и помогли мне воплотить этот проект.

Моей семье.

Бену Олшину, за очередную прекрасную обложку.

Эта книга художественный вымысел.

Персонажи и их имена, а также названия мест и события являются вымыслом автора или используются в форме вымысла, и их нельзя воспринимать, как действительность. Любое совпадение с событиями, местами, предприятиями, организациями или людьми, живыми или мертвыми, является полным совпадением или игрой воображения читателя, за что автор ответственности не несет.

Нуно Мураиш

Потерянные навсегда

БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЙ ТРАФИК
Том 1

ОДИН:

Понедельник, пять утра. Мне не спится, и я встаю с постели, стараясь не разбудить Бекку, которая крепко спит рядом. Бедная девочка, ей бы отдохнуть, она спит беспокойно, ее продолжают мучить кошмары. Я выхожу из комнаты родителей и иду на кухню, выжимаю апельсиновый сок, затем иду на веранду. Сменив флисовую пижаму на турецкий спортивный костюм, тапочки на кроссовки я иду на «Nordictrack¹», надеваю наушники «Best²» и начинаю обычную тренировку в сорок минут. Мне удастся найти хорошую станцию, чтобы послушать «U2³», «Smashings⁴», «Offspring⁵», «Texas⁶», и других таких же, да парочку старых шуток от ведущих ночного эфира.

По-прежнему темно, светлеть не начнет до половины восьмого, а вид за окном совсем не радует. Идет сильный дождь, один из тех ливней, которыми Лиссабон по праву славится, которые, кажется, падают стеной и от которых вы промокаете до нижнего белья за считанные секунды. Машин на Втором кольце по-прежнему мало, пробки в этом районе неизменно начинаются после четверти восьмого.

Удивительно, словно все стремятся в одно и то же время почти каждый день, вот они все едут свободно, и вдруг в одну минуту, хвост из машин начинает двигаться черепашьями темпами. И сегодня будет прекрасно, если дождь продолжится, даже молнии видно, и, так как гром грохочет часто, гроза, должно быть, прямо над нами. Надеюсь, весь этот грохот не разбудит бедную девочку, пусть она поспит хотя бы до тех пор, пока я не буду готов компенсировать последствия плохой ночи.

Я уже достаточно вспотел, когда оставил Nordictrack и перешел к скамье для пресса. Сделав четыре подхода по пятьдесят, с поворотом на сорок пять градусов, для начала, я перехожу к прямым подъемам, чтобы прокачать мышцы нижнего пресса. Еще три подхода по сорок, подъемы ног до шестидесяти градусов, упражнение, если не умеешь удерживать баланс, вообще, неприятное. Затем у шкива становлюсь на колени, хватаю веревку и подражаю церковному колоколу четыре подхода по сорок наклонов в одну и в другую сторону, чтобы прокачать косые мышцы. После этого я чувствую каждую мышцу, сделав несколько расслабляющих движений и стряхнув напряжение, я иду к скамье, проработать мышцы груди, плеч и рук. Сегодня я не прокачиваю ни ноги, ни спину.

Заканчиваю я растяжкой и иду в ванную, в ту, которая дальше всего от спальни родителей, чтобы не разбудить Бекку шумом воды. Потом снова выхожу на веранду и вешаю тренировочный костюм на веревку, просто чтобы он высох, пока рано его стирать, его еще хватит на разок.

Я закрываю дверь ванной и смотрюсь в зеркало, которое занимает всю стену. Сначала я даже не узнаю себя, я долго не отдыхал, поэтому выгляжу старше и утомленнее, хотя я себя так не чувствую. Вероятно, кошмары Бекки тревожат меня сильнее, чем я думал. Бросаю еще один взгляд в зеркало, теперь уже лицо снова кажется знакомым. На лице трехдневная щетина, которую, я обычно не ношу, но сейчас я решил отращивать бороду, и, в целом, я доволен тем, что вижу.

Усилия, прилагаемые в течение последних восемнадцати месяцев, начинают приносить результаты; мои плечи шире, мышцы груди более выражены, руки сильнее, пресс крепче, ноги и ягодицы обрели форму. Совсем неплохо - рыжие волосы и серые глаза, борода, высокий и стройный. Я не стану моделью для подиумов, но, скромно говоря, не стоит загадывать.

Хотя в последнее время, к сожалению, мне мало что есть сказать о любви или просто сексе. Я скучаю ним, кто бы не скучал, но поскольку Изабель сказала, что ей придется уйти от меня, потому что она не хочет, чтобы ответственность за Бекку упала на ее плечи, что,

учитывая обстоятельства, казалось немного эгоистичным, я остался один. По правде говоря, у меня, так-то, слишком мало, да даже совсем не было, времени, чтобы посвятить девушке или заводить интрижки, забота о Бекке – постоянная задача, которую я не могу делегировать кому-либо, независимо от того, чего мне это стоит, и это как раз тот случай, когда мне это действительно чего-то стоит. Несмотря на то, что она уже пообвыкла в детском саду, я всегда забираю ее днем, а не после пяти часов.

Время, которое мы проводим вместе, очень важно для меня, и я верю, что и для нее; по словам психотерапевта, с которым мы разговаривали некоторое время назад, именно это может больше всего помочь ей избавиться от кошмаров и отойти из травмы, вызванной той катастрофой. Каждый раз даже просто думая об этом, я чувствую, как слезы наворачиваются на глаза, очевидно, у меня тоже травма, и я не знаю, пройдет ли она когда-нибудь, потому что так много месяцев спустя я все еще иногда думаю о них, как будто они живы и ждут меня дома. Но я не могу позволить Бекке почувствовать, что я тоже чувствую себя потерянным. Несмотря на все разговоры о том, что разделение горя заставляет его исчезнуть быстрее, я все-таки думаю, что кто-то должен держаться, и в нашем случае я не могу передать эту задачу девочке младше четырех лет.

Ладно, отложим философию и перейдем к сути.

Я решаю, что сегодня определенно не тот день, когда я побреюсь, и захожу в стеклянную кабину, регулирую температуру воды и включаю душ на потолке. Сразу же на меня обрушивается каскад теплой воды, массирующий плечи и голову, и все остатки сна, которые смогли пережить полтора часа физических упражнений, исчезли. Я люблю стоять под таким душем, кстати, я вообще не понимаю, как можно получать удовольствие от принятия ванны – по крайней мере, одному. Плавать там в остывающей воде в компании собственной грязи — это не совсем то, что можно назвать мытьем. В компании это нечто другое, но и тогда это настолько же мытье, насколько ночь полная секса – отдых. Я позволяю воде течь по себе как минимум десять минут, на четыре больше, чем необходимо, при этом дышу спокойно и глубоко, чтобы отогнать все негативные мысли, которые только что мучили меня, и когда я открываю дверь кабинки, я чувствую себя заново рожденным.

Я захожу в облако пара, которое образовалось в ванной, и быстро растираюсь мягким полотенцем насухо, провожу руками по еще влажным волосам и зачесываю их назад, без расчески, удобно, когда волосы прямые. Я провожу нейтральным дезодорантом подмышками, быстро втираю Asqua di Parma⁷ и иду в свою комнату, чтобы одеться.

Кажется почти странным приходить сюда, зная, что я сплю в комнате родителей столько месяцев, и почему я продолжаю называть ее комнатой родителей, если они больше не спят там и никогда больше не будут? Не знаю, объяснение, безусловно, существует, но я предпочитаю не думать об этом сейчас. Я включаю телевизор и смотрю Euronews⁸, пока одеваюсь. Мир пребывает в обычном хаосе: израильско-палестинский конфликт продолжается в полную силу, после очередного договора о прекращении огня, которое никто не соблюдал; вчера камни снова заменили на пули на оккупированных территориях, и четыре палестинца были убиты при попытке пересечь стену. Еще три нападения в Ираке, в результате чего с пятницы их общее число достигло двенадцати. Новые беспорядки в Гватемале и Колумбии – видео разграбленных магазинов. Протесты в США против объявления осадного положения в трех городах – видео демонстраций в Солт-Лейк-Сити и Бостоне. Авторы письма о независимости Азорских островов на демонстрации перед посольством Португалии в Вашингтоне. ВТО, всемирная ассоциация производителей кассет, CD и DVD и групп потребителей наконец достигла соглашения о периоде хранения частных записей, который составит пять лет, после чего они будут автоматически стираться – видео подписываемого соглашения и протестующих у здания штаб-квартиры ВТО. Рост неполной занятости в Великобритании, несмотря на самые высокие темпы

экономического роста в Евросоюзе - премьер-министр перед Даунинг-стрит, 10⁹. Вчера было подтверждено, что изувеченные тела, обнаруженные в прошлую среду в Манаусе, принадлежат некой Элизе Феррара, итальянскому врачу, и некоему Конраду Ленцу, швейцарскому журналисту - фотография парня и женщины где-то в тропиках. Актер Марк Дефоржес, рассказывающий о своей борьбе с раком и своей теории о том, что все зависит от позитивного настроения: «Если вы хотите победить рак, вы можете это сделать. Посмотрите на меня», - говорит он с улыбкой. Испания и Швеция выбыли из международного турнира по пляжному футболу, проходящего в Повуа-де-Варзин.

Наконец, хорошие новости, чтобы начать лучший день, чем вчера.

Я надел хлопковое нижнее белье, серые носки до колен, голубую хлопковую рубашку с французским воротником, галстук Marinella, пошитый на заказ, которые мне прислал прадед, и после нескольких попыток мне наконец удалось продеть перламутровые штырьки в манжеты рубашки. Наконец, светло-серый демисезонный костюм с пиджаком на трех пуговицах, коричневые туфли с пряжками, которые отполировал вчера вечером, и ремень в тон. Я еще раз посмотрелся в зеркало, чтобы убедиться, что все в порядке. Мне нравится то, что я вижу, но я перезавязываю галстук, проверяю, что он правильной длины и, удовлетворенный осмотром, возвращаюсь, чтобы разбудить Бекку.

В темноте комнаты, кажущейся мне еще темнее, после того как глаза привыкли к свету, я вижу белые простыни на кровати и маленькую фигурку, под двухметровым одеялом. Она дышит так спокойно и мирно, что мне становится плохо от мысли, что нужно ее разбудить. Но придется, сегодня я не могу не пойти в офис, и мне нужно быть там пораньше, чтобы отправить вещи, которые мне оставили в пятницу. На цыпочках подхожу к окну и очень медленно и как можно тише поднимаю жалюзи. Несмотря на слабый свет, идущий с улицы в комнату, она по-прежнему не двигается, спит с выражением полного покоя на лице. Любой, кто видел ее ночью в рыдающую от кошмаров, не поверил бы, что это один и тот же ребенок. Я сажусь на кровать и начинаю очень нежно поглаживать ее по волосам, чтобы она спокойно проснулась. Мало-помалу она начинает шевелиться, сначала двигает одной рукой, затем другой, вытягивается и проводит руками по своим почти белым волосам, чтобы отвести их от лица, как будто открывает занавески, чтобы впустить день. Вдруг она открывает глаза, видит меня и, улыбаясь, говорит мне: «Эй, Калле! Ja 'sovit'¹⁰» - она всегда говорит на шведском, когда просыпается, это тот язык, который она выучила первым от матери и бабушки, хотя теперь она говорит только со мной и учителем, которого мне удалось найти. Единственный шведский детский сад находится на линии Кашкайш, и было бы трудно ездить туда и обратно каждый день, так как о машине не может быть и речи, по крайней мере, на данный момент.

- Ну, маленькая старушка¹¹ теперь ты готова вставать? - Я сделал вид, что не заметил шведского и она переходит на португальский.

- Ты знаешь, что мы сегодня идем на экскурсию со школой.

- Seriously? Это будет очень забавно, как думаешь?

Она согласно кивает.

- И ты знаешь куда вы идете?

- Да, мы идем в зоопарк, посмотреть животных. И там есть львы, и тигры, и коблы, и слоны, - она ненадолго смолкает и продолжает, - и крокодилы. И многие другие. Ты хочешь пойти? - она так нежно это говорит, что меня тоже заливают нежностью и я думаю, что, может, стоило бы не ходить сегодня в офис, а пойти в зоопарк вместо этого. Но сегодня необходимо быть в офисе. Я должен ответить на три пятничных факса, и у меня две встречи, которые назначены пятнадцать дней назад, и Гомес оставил сообщение, что хочет поговорить со мной, как можно скорее - хотя в его случае все такие чрезвычайные ситуации это какие-то его личные дела. Просто попросит о небольшом одолжении, конечно.

В любом случае делать нечего, я очень неохотно говорю Бекке, что не могу поехать с ней, но обещаю, что, когда заберу ее днем, мы поедем в центр города, чтобы увидеть рождественские огни, ей понравится. Кивок, который меня успокоил, в отличие от взгляда, которым она смотрела на меня, когда я начал ей объяснять, что не могу пойти с ней. И вот, тревога полностью ушла из глаз, она вскочила с кровати и побежала в ванную.

Ее последняя большая победа – она научилась садиться на унитаз сама, с помощью пластиковой ступеньки, которую я купил, чтобы она могла подниматься и спускаться. Я оставляю ее одну, пока не услышу ее крик: «Клалт!»

Это сигнал, мне нужно идти и помочь ей снять пижаму, которая снимается через голову или которая на пуговицах, она еще не совсем понимает, как они работают, – но в остальном она не позволяет мне ей помогать. Она становится все более независимой, что, хотя и естественно для детей этого возраста, кажется, для нее это дело чести, возможно, потому что у нее больше нет матери. Психотерапевт отметила независимость, которую она хорошо демонстрирует, и сказала, что это один из способов преодолеть то, что произошло, и что если бы все было наоборот, если бы она пыталась все больше и больше цепляться за меня, тогда следовало бы беспокоиться.

Достаточно того, что ей нужна дополнительная поддержка ночью, потому что она не может избавиться от кошмаров, и, возможно, «я могу» в высокой степени демонстрирует, что это реакция на ее зависимость от взрослого. Моя Бекка – девочка с хорошими генами.

Мы идем в ее комнату, и начинается сложная задача – выбрать, что надеть. Я как обычно надеваю на нее нижнее белье, сажаю ее в маленькое кресло из пенопласта и начинаю показывать, что находится в ящиках и шкафу, выкладывая предметы на кровати, как на витрине магазина модной одежды. Это процесс, который может быть долгим и, лучше всего бы его пережили люди с острой формой дальтонизма, потому что комбинации цветов, которые сейчас делают и которых мне не всегда удастся избежать, иногда бывают довольно странными.

Я собираюсь высказать свое мнение о комбинациях цветов, тканей и материалах, а также о взаимосвязи между цветами, которые несколько месяцев назад казались совершенно не постижимыми, но теперь я вижу, что они уже получили некоторое признание.

Я обычно топаю ногами, когда она хочет надеть две пары штанов или две юбки одну поверх другой, аргументируя это тем, что она носит два, а иногда и три свитера, которые ей даже не очень нравятся, почему же она не может надевать и двое штанов, которые ей нравятся? Я мало что могу этому противопоставить, поэтому я просто говорю «нет» и выслушиваю истерику, которая обязательно последует дальше. К счастью, такое случается нечасто. Сегодня она колеблется между коричневыми брюками и синими джинсами, которые можно сочетать с хлопковой водолазкой в оранжевых и желтых тонах или с другой, красной с белым воротником. Носки будут желтыми с зелеными пятнами. В конце концов, она выбирает брюки и водолазку.

Пока я ее одеваю, она рассказывает мне, что будет сегодня в зоопарке, с кем она будет играть, какие дети ей нравятся, а кому не нравится находиться рядом с ней.

- Ты знаешь, Калле, Холхе очень раздражает, он все время дергает меня за волосы и бежит за мной. А когда я говорю ему перестать, он меня не слушает!

«Ну, бывает», думаю я, но решаю воспользоваться ее словами, чтобы посмотреть, к чему это приведет:

- О да? Какой противный мальчик. А ты сказала Кармен, что он так делает? Слушай-ка, а почему бы тебе не делать то же самое с ним?

Она смотрит на меня удивленно, как бы говоря: «Ты такой тупица, чувак».

- Да, но ты знаешь, он не дергает слишком сильно, а потом, если я скажу Кармен, она его накажет, и он обидится и больше ко мне не подойдет. Он не просто дергает, он больше шутит так, но потом остальные мальчики видят это и говорят разные вещи, смотрят на меня, и мне это не нравится!

Все это она выпаливает на одном дыхании, все повышая и повышая голос.

Несомненно, серьезное дело, и я не вижу, что есть какие-то пути решить проблему без помощи старших, поскольку ребенок не обращает внимания на ее просьбы, поэтому я говорю, чтобы она поговорила с Кармен или Анной, а когда я вернусь, посадить его и поговорить с ним, объяснить ему, что ему не понравится, если с ним так поступить. Она не очень уверена, что это сработает, и я тоже, но потом она кивает.

Мы идем на кухню, завтракать. Апельсиновый сок, каша быстрого приготовления с молоком и вареньем из смородины, а я еще ем два ломтика поджаренного хлеба с ветчиной и бананом. Я пью кофе с молоком, пока она ест творожок и рассказывает мне о том, что она хочет от Деда Мороза. Сначала казалось, что она забегает вперед, но нет, я вспомнил огни в центре города и наконец понял, что до Нового года осталось меньше месяца, естественно, я начинаю думать о списках подарков, которые потом поменяются сотни раз, некоторые даже после самого праздника. К счастью, всегда есть шанс сказать ей, что тот или иной подарок по ошибке попал в дом других бабушки и дедушки, что даст мне время пойти и обменять то, что я купил, незаметно для нее. Иногда я думаю, что, может быть, я порчу ее и стараюсь слишком сильно ее защитить, не то, чтобы она требовательная девочка и устраивает истерики, когда у нее нет того, чего она хочет, но я все равно боюсь сделать что-то не так. Я все еще новичок в этом путешествии по отцовству, к тому же холостяк, так что у меня не было возможности к этому привыкнуть.

Нет, Бекка всегда была для меня только племянницей, хотя я знаю, что ублюдок, который внес половину хромосом, быстренько свалил от Мии, когда узнал, что она беременна, и с тех пор никто не слышал о нем.

Не то чтобы нам что-то нужно, но при таком поведении перед лицом незапланированной беременности хуже бы было только, если бы они только снова сошлись.

Но на мою сестру это не сильно повлияло, хотя ей и пришлось трудно, потому что ничто не указывало, что он так отреагирует, она его отпустила и ничего не сделала, чтобы прервать беременность. Я не думаю, что он сделал это из принципиальных соображений, философских или политических идеалов, я просто думаю, что он была очень счастлива, когда забеременела, и даже перед лицом угрозы расставания, она не сделала аборт, кстати, я потом понял - когда друзья говорили ей, что было бы лучше сделать аборт - она чувствовала, что на самом деле она хочет иметь этого ребенка. Бразильское выражение «Я кормлю быка, чтобы он не лез в драку, и я кормлю корову, чтобы она дралась до конца¹²», отличный девиз моей сестры, с беременностью Беккой было так же. Со своей стороны, мы сделали все возможное, чтобы помочь ей до и после рождения ребенка. Единственным недовольным был мой отец, который хотел подать в суд на этого парня и его семью за все, но потом он тоже согласился, что лучше делать все так, как хотела Мия.

Бекка пришла в этот мир в больнице Уппсалы, на месяц раньше срока, по традиции бабушки по материнской линии, четвертого марта, почти четыре года назад.

К сожалению для нее, хотя я пытаюсь сделать все, чтобы восполнить потерю, и это причина моего длинного монолога, единственный близкий, кто у нее остался, это абсолютно неопытный дядя, блуждающий в потемках отцовства. Но в конце концов, похоже, я неплохо справляюсь, по крайней мере, не хуже любого другого парня, который вдруг стал отцом, и я всегда учитываю ошибки, которые совершаю. Было бы гораздо проще, если бы тут была Лотта, моя самая младшая сестра, но она учится в Испании и живет в доме бабушки и дедушки в Мадриде, потому что не хочет снимать квартиру.

Меня отвлекает от мыслей их объект, который говорит мне, что уже все съел и что мы должны идти, потому что пора. На самом деле, мы даже опережаем свой обычный график, но не мешает уже начинать собираться. Я складываю грязную посуду и столовые приборы в

посудомойку, убираю молоко, сок, масло и варенье в холодильник, а овсяные хлопья в шкаф, и мы переходим из кухни в коридор.

Я надел на Бекку плащ, резиновые сапоги, сунул ее туфли в полиэтиленовый пакет, а ей в руки мини-зонтик Marsupilami. Натянув плащ, я беру свой зонтик, портфель и мобильный телефон, ищу складной стул, вспомнил, что оставил его в детской, открываю дверь, вызываю лифт, закрываю дверь, дважды поворачиваю ключ, и мы спускаемся на первый этаж.

День, кажется, не очень-то хочет приходить, небо все такое же темно-синее и тусклое, фонари еще светят ярче, чем утренний свет. Единственный положительный момент, дождь прекратил лить и это уже очень хороший знак, потому что, если я что-то и ненавижу, так это промокшие ноги. Я надеюсь, что дождя не будет, по крайней мере, пока мы не доберемся до метро, но поскольку я что-то не доверяю погоде, я решаю взять старый желтый жук Мии, и доехать до станции.

Я только и успел усадить Бекку и пристегнуться сам, как снова пошел дождь. Если бы я мог все так предсказывать, то я бы проводил время в казино за столом, играя в двадцать одно или покупая лотерейные билеты, и работал бы исключительно для удовольствия.

Машина заводится далеко не с первого раза, когда я уже проклинаю свою удачу и думаю, что в конце концов мне все равно придется промокнуть. И мы едем под стеной дождя в сторону Коломбо, к стоянке у метро, где мне удастся найти крытое место у входа. Я выключаю двигатель, расстегиваю ремень Бекки, которая, в свою очередь, выключает радио, прячет архаичную панельку с радио под сиденье, и я выхожу из машины, чтобы открыть ей дверь. Я несу все вещи подмышкой, и плащ на мне, скорее потому, что его удобнее нести на себе, чем потому, что я боюсь промокнуть, и дождь прекратился так же внезапно, как и начался, и мне сразу становится жарко - честно говоря, я не понимаю, как некоторые умудряются носить шубы и пуховики этим холодным летом, которое лиссабонцы называют зимой, когда температура редко опускается ниже десяти градусов по Цельсию и то, только утром, потому что в полдень уже пятнадцать или даже двадцать. Как бы то ни было, «каждый сходит с ума по-своему», как говорит моя бабушка, и она уж знает, о чем говорит, потому что здесь родилась.

Я засовываю портфель, сумку для обуви и зонтик подмышку, протягиваю Бекке руку, и мы спускаемся в метро, и идем к автоматам, где она настаивает спустить там несколько монет, и мы выходим на перрон. Здесь уже достаточно людей, хотя это еще не то наводнение, который обычно бывает после девяти. Иногда я задаюсь вопросом, в какое время люди фактически начинают работать, если ровно между девятью и одиннадцатью машин становится меньше, а в метро людей становится больше. Что до меня, я предпочитаю начинать раньше и уходить раньше, чем наоборот, и я думаю, что делал бы так, даже если бы у меня не было Бекки.

Метро доходит приходить где-то через пять минут, мы едем без особых трудностей, поезд на этот раз не трясет, как обычно в Лиссабоне, и Бекке уступает место милая дама. Я благодарю ее, но говорю, что в этом нет необходимости, так как она предпочитает стоять, но дама настаивает, и, чтобы не обидеть ее, я говорю девочке сесть, что она и делает немедленно, как бы говоря мне, что не стоило так расшаркиваться, просто лучше было сразу воспользоваться предложением.

Дама устраивает вечеринку на волосах Бекки, которая мотает головой, качаясь на сиденье, и женщина говорит:

- Какие у тебя красивые волосы. Как тебя зовут? - но девочка только еще больше съезживается, она не привыкла к вниманию от незнакомых людей, особенно в тех местах, где ей кажется, что все смотрят на нее, и поэтому мне приходится ей помочь:

- Скажи леди свое имя. Тебя зовут Бекка, не так ли?

Она кивает.

- Бекка? Как забавно. Это действительно твое имя?

Бекка смотрит на нее глазами, которые пронзили бы ее, будь это мечи, но дама этого не замечает, потому что уже обращается ко мне.

- Нет, - говорю я, - на самом деле это не ее имя, это просто сокращение, ее зовут Ребекка, но почти никто называет ее так, потому что она не отзывается на него.

- Тем не менее, разве вы не считаете, что это странное имя, зачем вы так ее называете, когда Ребекка - такое красивое имя и а она такой милый ребенок?

Женщина продолжает говорить, полностью сосредоточившись на мне. Это к счастью, потому что Бекка уже высунула язык. Я делаю ей знак глазами, чтобы она спрятала язык, и она подчиняется, делая ангельское личико, глядя на которое, невозможно и подумать, что она способна на такое.

Метро едет от станции к станции и, хотя часть пассажиров выходит, людей становится все больше и больше. Кажется, это никогда не кончится.

- Сколько ей лет? – спрашивает она меня, снова погладив Бекку по голове.

- Будет четыре, - отвечаю я, зная, что будет дальше.

- Ах, какая она взрослая и красивая, она выглядит намного старше.

- Спасибо, спасибо, - я говорю, - да, она очень самостоятельная.

Она спрашивает меня, дочь ли она мне, и я отвечаю, что я ее дядя, не вдаваясь в подробности, что, по-видимому, ее устраивает, и она переходит к следующей серии вопросов.

- У нее очень необычный цвет волос, они ведь не крашенные?

Где взять терпения? Не знаю, как людям приходит в голову, что кто-то красит волосы трехлетней девочке, но помимо после слова «забавный» эпитет «необычный» для цвета волос неизменно становится самым популярным вопросом.

- Нет, - говорю я, стараясь не терять терпения, - цвет волос натуральный, она унаследовала его от матери, у нее были такие же.

Я понимаю свою ошибку, прошедшее время глагола уже сорвалось с губ, но уже слишком поздно и мое лицо становится обреченным. Невозможно избежать следующего вопроса:

- Мать умерла? – спрашивает дама шепотом, сглатывая слюну, предвкушая знакомую мелодраму.

Я в панике смотрю на Бекку, но она не обращает на нас внимания, напротив на коленях у деда сидит другая девочка, и они корчат друг другу рожи, так что я могу спокойно солгать, хотя и без особой убедительности:

- Нет, я имею в виду, что со временем волосы моей сестры немного потемнели и они уже не такие светлые, как были.

Ложь, конечно, волосы Мии всегда были такого цвета, но эта ложь совершенно правдоподобна. Я бы сказал все, что угодно, лишь бы помешать ей лезть с соболезнованиями, и утешить Бекку, что только бы опечалило ее. Ответ должен соответствовать тому знанию, которое мой собеседник имеет о тонах волос и их изменении со временем, потому что, погладив еще раз Бекку по голове, она бросает эту тему, явно разочарованная тем, что так и не узнала ничего интересного.

Тем временем мы прибыли на станцию Маркеш, где нам нужно пересесть на другой поезд, и мы, должно быть, сделали самую быструю пересадку в анналах метро. Мы поднялись в вестибюль билетной кассы и спустились по лестнице, с другой стороны, как раз вовремя, чтобы успеть на поезд до Кампо Гранде, где гораздо меньше людей и где никто не захочет с нами разговаривать. Поезд - один из новых, с жидкокристаллическими экранами, размещенными над каждой парой окон, которые передают рекламу без остановки, с вкраплениями обычных плакатов из ламинированной бумаги для рекламодателей, которые не хотят или не могут платить за видеорекламу. В вагоне до сих пор пахнет заводом, там мало надписей, оставленных наркоманами убивающимися по граффити несмываемыми чернилами, которые они обычно используют, чтобы никто не стер их с лица земли, как если бы оставленные ими следы волшебные и

несут в себе часть их сущности. Видеореклама беззвучная, с редкими субтитрами, полностью продуманная или адаптированная для трансляции в метро, позволяя звуковой системе развлекать нас подборкой джазовых песен, в которых я узнаю Бенни Гудмана, Сидни Бешета, Стэна Гетца, Луи Армстронга и Чета Бейкера, у того, кто сегодня составлял плейлист, хороший вкус.

Метро Лиссабона иногда удается удивить нас такими мелочами, которые никоим образом не компенсируют отсутствие лифтов или эскалаторов от перрона до улицы на всех станциях, но которые помогают сделать поездку сносной.

Иногда мне интересно, только меня ли это волнует, и что делают люди с маленькими детьми и инвалиды. Конечно, они не могут разъезжать туда-сюда, иначе им придется перепрыгивать с автобуса на автобус или ехать на машине, что не всегда быстрее и проще, чтобы добраться куда-нибудь в Лиссабоне.

Бекка тянет меня за рукав, и я сразу перестаю думать об эскалаторах и несуществующих лифтах, и обращаю внимание на то, что она мне говорит.

- Калле, можно нам мороженого?

В это время?

- Нет, детка, еще слишком рано.

Она не очень довольна и тут же говорит:

- А днем можно мороженое? Большое?

Я говорю «да», зная, что она не забудет и что днем мне придется купить ей мороженое. Желательно большое - хотя ее мнение о том, что такое большое в ее случае весьма субъективно, сегодня это большой рожок, в другой день это может быть брикет, а в следующий раз эскимо.

Мы выходим на Кампо Пекено, я помогаю ей подняться по лестнице в кассу, а затем выйти на улицу - что было бы намного проще, если бы она не настаивала на том, чтобы делать все самой. Иногда мне хочется, чтобы она все еще сидела у меня на руках.

Мы поднялись по проспекту, свернули направо и примерно на середине улицы мы вошли во двор португальско-испанского детского сада Санчо Панса, открытого почти тридцать лет назад подругой моей бабушки, которая переехала в Лиссабон с мужем.

Большинство преподавателей - испанцы, хотя есть и португалыцы, и дети говорят с ними по-испански, потому что в основном в детском саду дети испанцев или южноамериканцев, которые по тем или иным причинам находятся в Лиссабоне или, как в случае с Беккой, у них испанская семья, и важно, чтобы они не теряли контакта с языком. Красивый дом начала двадцатого века, который Д. Пилар постепенно превратил в настоящий дом для детей от года до шести лет, но лучшее, что есть тут, это огромный сад, полный деревянных и пластиковых игрушек и большая песочница, где дети могут играть. Бекка любит проводить тут время.

Сначала Бекка пошла в детский сад, незадолго до того, как ей исполнился год - мои мама и сестра боялись, что такое частое общение с испанским заставит ее забыть шведский, которому они пытались учить ее дома. Однако мы быстро поняли, что можно этого не опасаться, она использовала шведские слова, которые выучила у них и у меня, а также испанские и португальские слова от моих отца и бабушки, и в целом, казалось, знала, как отличить одно от другого и с кем их использовать.

Вначале мы старались всегда быть людьми одной национальности, говорящими на одном языке, но теперь, даже в сложившихся обстоятельствах, я чередую языки, чтобы заинтересовать ее или успокоить. Мы думали, что сложнее всего сохранить португальский язык, но в детском саду так много двуязычных детей, и в итоге она встретила так много детей, которые говорят только на португальском, что скоро она говорила на всех трех языках одинаково бегло.

Тем не менее, я подумал, что лучше всего найти шведского учителя, чтобы поддерживать знание языка, потому что, хотя у нас дома есть много DVD со шведскими мультфильмами и фильмами, мне не казалось, что я могу переложить ответственность за шведский на Пеппи и Бамсе¹³.

Я поручаю Бекку Ане, одной из воспитательниц, которой, кажется, больше жаль меня, чем Бекку. Разница поразительная, когда Бекка только начала ходить в сад, мне приходилось какое-то время оставаться с ней, потом прятаться, и когда она начинала плакать и звать маму, выходить и уводить ее. И мы занимались этим с месяц. Теперь, как только она видит Кармен или Ану, я словно испаряюсь, просто перестаю существовать, только если они не скажут ей попрощаться. Что ж, это хоть и хорошо, и желательно, но и немного грустно, когда они начинают быть независимыми. Каждый день я жду, что она попросит ключи от моей машины и скажет мне не ждать ее к завтраку...

Кто бы мог подумать несколько лет назад, что я буду говорить такое? Да, отцовство, даже такое, меняет человека.

ДВА:

Я прихожу в офис на Гаррет-стрит чуть позже восьми; как обычно, я открываю дверь и выключаю сигнализацию, которая уже год украшает наш главный вход. Уборщики не приходят раньше девяти, секретари - в половине десятого, а остальные юристы - в десять или позже. Мы занимаем последние четыре этажа в здании, перестроенном после пожара восемьдесят восьмого года - хотя и не в том самом, который уничтожил большую часть Шиаду. У меня кабинет в конце верхнего этажа, такой же, как у отца, с видом на реку.

Фирма сильно выросла за последние несколько лет, мой отец даже сказал, что она выросла слишком быстро и слишком сильно, и что первоначальная идея стать юридической фирмой, ориентированной на клиентов и справедливые дела, потерялась в погоне за прибылью большого бизнеса.

И этот большой бизнес, о котором заботятся Гомес, Мейреллес, Небулони, Ногейра, Кастро и партнеры, также известны по аббревиатуре ГМ2НК+П принес такие плоды: юридическая фирма признана лучшей в Португалии читателями EuroBusiness¹⁴ в шести странах. Уже несколько лет она является членом всех юридических ассоциаций и коллегий адвокатов, членом которых может быть кто-то, быть кто-то, связанный с законом хоть как-нибудь, без обвинений в непорядочности, без исключений из всевозможных сообществ, с рекламным бюджетом, превышающим сто тысяч евро, который осваивается несколькими европейскими и американскими аналитическими бизнес-журналами. Так что, нельзя сказать, что не делается все возможное для сохранения позиции лучшей юридической фирмы.

Юридическая фирма «Мейреллес и Небулони» была основана моим отцом и Хоакимом Мейреллесом в начале 80-х годов и была названа просто по алфавиту, хотя большая часть расходов, а также и большая доля прибыли принадлежали моему отцу, который, в некотором роде, унаследовал кабинет и почти всех клиентов моего двоюродного дяди. Идея заключалась в том, чтобы посвятить себя достойному делу, и им удавалось делать это несколько лет, но затем Мейреллес устал зарабатывать меньше денег, чем другие юристы, которых он знал (хотя и с этими грошами, я никогда не испытывал недостатка в чем-либо, хотя в то время моя мама, которая все еще заканчивала кандидатскую диссертацию, не работала), и стал настаивать на том, чтобы найти еще партнеров и разнообразить сферы дел, которыми занимается фирма.

Все изменилось быстро, появился еще один партнер, Педро Инасио Гомес, которого Мейреллес представил как парня с большим будущим. Несмотря на то, что он только отучился, ПИГ¹⁵, как его начали называть, когда он не слышал, был полон знаний в деловой сфере и, казалось, имел бесконечную череду теток и дядек с деньгами и желанием подать в суд на этот мир и любой другой по малейшему поводу. Объем работы продолжал расти, и вскоре фирма снова расширилась, были приняты два новых партнера, Хорхе Лемос Ногейра и Франциска Кастро, имеющие степень в области права и управления бизнесом и уже некоторый опыт за спиной.

К этому времени только моего отца интересовали те причины, которые вначале были целью существования фирмы, и которые время от времени еще вызывали жаркие дискуссии о конфликте интересов и о том, что лучше отвечает интересам фирмы - потому что Мейреллес, который, кстати, всегда был более склонен к налоговым делам, чем к любой другой области права, пошел дальше и понятно, что в конечном итоге он посвятил себя этому полностью, он выучился на налогового и готовился получить докторскую степень.

Между тем, офис на Браэмкэмп-стрит, даже после того, как они сняли еще и верхний этаж, становился слишком тесным, и когда им предложили сгоревший скелет здания на Гарретт-стрит в качестве оплаты услуг, оказанные предыдущему обанкротившемуся владельцу,

никто даже не думал ни мгновения. . Менее чем за два года здание перестроили, расширили и адаптировали под требования современного офиса, последние четыре этажа зарезервировали для фирмы, которая в то время называлась «МНГН и К», а остальные сдали в аренду другим фирмам.

Девяностые годы прошлого века по-прежнему были годами роста с точки зрения оборота и количества рабочих. В начале нового тысячелетия в компании уже работало значительное количество юристов в дополнение к партнерам, и она пользовалась большим спросом у недавних выпускников, заинтересованных в карьере в области права.

Возможно из-за требований моего отца и безоговорочной поддержки Мейреллеса я был одним из немногих, кто предлагал им приличную заработную плату и часы оплачиваемой работы с первого дня. Другие партнеры, – в соответствии с давней традицией отказа от оплачиваемой стажировки, при которой можно всегда можно было получить бесплатных работников, с приходом новых выпускников, – сначала возражали, но позже они согласились с этим, когда увидели результаты, более чем полностью оправдывающие затраты на зарплату стажерам.

Я не сомневаюсь, что мой отец был доволен компанией, которую он создал - несмотря на периодические дискуссии о областях права, которыми бы должна заниматься фирма, - и качеством услуг, предоставляемых клиентам, что в конечном итоге является истинной мерой профессионализма и причиной, по которой они держат нас в качестве юристов или консультантов. Жалко, что его больше нет с нами, чтобы увидеть, чем стала эта фирма, но, может быть, это и к лучшему. После аварии произошли ужасные вещи, которые, вероятно, вызвали бы его недовольство.

Я уже закончил курс и заканчивал стажировку, поэтому мог поставить свое имя в название и получить должность в фирме (как это было установлено с самого начала и было принято всеми последними партнерами), но неожиданно Гомес сказал свое слово, решив оспорить ситуацию с целью самому получить место в названии. Среди прочего он сказал, что он привел больше всего клиентов и что его положение в фирме должно отражать это, что (без обид, как он сказал мне) я был не достаточно опытным, чтобы владеть долей партнера и т. д. и т.п. Безуспешно.

Однако, поскольку я не хотел создавать проблем или принижать его, потому что, в конце концов, он всегда приводил нам хороших клиентов, я подумал, что лучше всего согласиться, и, с согласия Мейреллеса, мы решили изменить название компании на известную формулу. Какой она и остается по сей день.

В конце концов он смирился и со мной в название, получив тоже букву в аббревиатуре. Вообще, его интересовало больше не имя в названии, а та значимость, которую это имя придает. В этом весь Гомес – ему главное производить впечатление, - хотя он притворяется, что это для него ничего не значит, правда в том, что он делает все, чтобы иметь небольшую фотографию в Lux, в Caras или VIP¹⁶ (желательно с подружкой с глубоким декольте), и, несомненно, каждый раз, когда он появляется в этих журналах, несколько экземпляров неизменно, как будто волшебным образом, находят путь в приемную офиса.

Я должен сказать, что разочаровался в нем, я уже знал, что он эгоистичен, но еще не осознавал, насколько он окажется мелочным. Как бы то ни было, на самом деле ничего не изменилось, он, похоже, был рад получить имя первым в названии и никогда не возвращался к теме, продолжая вести себя так, как будто ничего не произошло - что типично для Гомеса.

Сейчас десять тридцать утра, а я сижу в своем офисе с открытой дверью, как обычно. Офис медленно просыпается, и время от времени кто-нибудь проходит мимо и просовывает голову в дверь, чтобы пожелать доброго утра. Я не имею привычки требовать, чтобы кто бы то ни было, заходил целовать мне руку, когда приходит в офис. Поэтому я все еще не видел сегодня Габриэлу, секретаршу, которую унаследовал от отца и с которой довольно хорошо лажу - что, собственно говоря, я считаю существенным.

На двух стенах кабинета, где я сижу, от пола до потолка висят деревянные полки, заполненные книгами законов и кодексов в разных версиях, а также моделями пластиковых кораблей и плотов, которые были страстью двоюродного дяди и которые мы с отцом оставили. На единственной стене, не полностью занятой полками, та, где находится дверь, красуются дипломы четырех поколений юристов, прошедших через этот офис в разное время.

Слева от меня то, что мне нравится больше всего - окно от пола до потолка с видом на реку, за ландшафтом с разными крышами, покрытыми красной плиткой разного оттенка, кое-где украшенными дымоходами или телевизионными антеннами, не используемыми с момента появления кабельного.

С тех пор, как я вернулся, я засел за компьютер и книги. Вопросы первого из факсов, пришедших в пятницу, оказались более сложными, чем казалось сначала. Дело по корпоративному праву с разветвлениями в сферы семейного права и налогообложения, мог занять меня на большую часть дня.

Но вот, Гомес входит через дверь с той псевдо-величественной аурой, которая характеризует его, как человека, который думает, что владеет миром. Под его бледно-голубыми глазами без выражения появляется полуулыбка, которая еще больше расширяет его лицо, в центре которого находится рыже-красный нос. Золотые волосы зачесаны справа налево, в попытке замаскировать капиллярное облысение в весьма активной фазе, волосы царственно лежат на макушке, но это не скрывает лысину. Он одет в темно-синий костюм, белую рубашку с простыми манжетами на пуговицах, на нем дорогой, но безвкусный, с морскими мотивами, шелковый галстук YSL, завязанный четверкой, который мог быть завязан и лучше, в кармане вышитый платок, очевидно вышитый вручную, чеканный кожаный пояс и черные туфлями Church's, не очень хорошо отполированные. Живот его достаточно сильно свисает на пояс, и костюм, хотя и хорошего покроя, мог бы лучше сидеть на нем - Гомес всю жизнь говорит, что сидит на диете, но, поскольку больше ничего не делает, то колеблется между очень толстым и жирным.

Он преодолевает пространство между дверью и моим письменным столом из красного дерева в стиле тридцатых годов, садится в одно из старых кожаных кресел, где сначала с отцом, а теперь со мной говорят клиенты, которые приходят к нам со времен моего дяди и говорит:

– Так вы здесь? К тому времени, как вы приходите, уже пора идти домой, - он один смеется над своей шуткой и, не дожидаясь ответа, продолжает более серьезным тоном:

– Слушайте, Карл, - ему нельзя называть меня Карле, - вам особо нечего делать, правда? Гомес живет в фантазиях, что работает на самом деле только он.

– Ну, если вы действительно хотите, чтобы я рассказал... - но он не дает мне продолжить.

– Я так не думаю, не думаю, что у вас много свободного времени. Но у меня есть кое-что для вас. Смотрите, как вы знаете, со среды по пятницу в Фуншале проводится семинар о будущем территорий, освобожденных от налогов, в контексте растущего международного сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, отмытием денег и финансированием террористических групп, которое происходит в последние годы. Наша фирма участвует, и я должен был поехать, но случилось кое-что неожиданное...

(Вероятно, вечеринка в доме какого-то обозревателя, имеющего право на фотографию в журнале).

– И я не смогу присутствовать. Что скажете? Это забавно, вы знаете много людей из разных стран, и говорите на других языках, всем это наверняка понравится.

Я действительно подумываю отказать ему, не вдаваясь в объяснения, но потом меняю мнение:

– Вероятно, все так, но вы не забыли одну маленькую деталь?

Он смотрит на меня с бычьим выражением лица, не совсем понимая, о чем я говорю.

– Какую деталь?

Он действительно тупой, иначе бы понял:

– Бекка.

Он вздыхает, пожимает плечами и говорит:

– Ну, разве у вас нет няни или соседа, которые обычно остаются с ней, когда вы уезжаете на выходные? Как вы договариваетесь с девушками, с которыми встречаетесь в ночных клубах?

Типичный для Гомеса короткий, густой и трескучий смешок – хотя сам Гомес всегда очень вежливый и всегда «на 9 часов»¹⁷. Я ничего на это не говорю, решив, что он не виноват, что родился слабоумным.

– Дело не в этом, а в том, что это три дня и три ночи, и я не могу оставить ее так надолго. А вообще, ладно, я поеду на Мадейру, но возьму Бекку с собой. Ей наверняка понравится поездка.

В глазах его сверкает искра, и он снова изображает пластиковую полуулыбку.

– Ну-ну, вот увидите, будет интересно! Между прочим, тогда дадите мне копию сделанных заметок (для чего, я уверен, ты их не прочтешь). Еще одно, билеты для нее... (я уже этого ожидал) вы за них платите, да?

Гомес всегда такой. Расходы других – это их личные расходы, а его расходы, хоть и личные, всегда расходы фирмы.

– Нет, я не думаю, что я должен платить. В конце концов, я еду только потому, что вы меня просите, а Бекка едет не потому, что я хочу, а потому, что мне не с кем ее оставить, и я не хочу оставлять ее одну надолго, – а теперь смертельный удар. – Так что, я считаю, что ее билет должны оплатить вы.

Я говорю это с улыбкой, чтобы он понял, что я шучу, но похоже, что у него вот-вот случится инсульт.

Для Гомеса любая угроза его кошельку, даже мнимая, всегда рассматривается как атака на само его существование.

– Брмм. Ну, я так не думаю. Принимая во внимание, что она едет с вами и что вы представляете компанию, ее билет тоже должна оплатить фирма. Так, мне кажется, будет справедливо, – добавляет он с очень серьезным видом, как будто это была его идея, и он отстаивал ее в суде. – Тогда договорились, вы едете на семинар вместо меня, а затем даете мне копию заметок о том, что там было. Хорошая сделка, вам не кажется?

Как и следовало ожидать, он думает, что оказывает мне большую услугу, когда просит меня поехать в Фуншал, чтобы посетить семинар по теме, которая интересует его больше, чем меня. Но я этого не допущу.

– Думаю, да, это прекрасная сделка для вас. Я охотно помогу вам и даже одолжу заметки, вообще, я оставлю их в библиотеке, они предназначены для всех, но за вами останется должок.

Не то, что мне что-то от него нужно, но теперь он не будет думать, что я ему должен, поэтому это нужно было сказать.

У Гомеса недоумение на лице, он готовится ответить мне, но в дверной косяк стучит Габриэла:

– Доброе утро, босс, эти два факса пришли один за другим. Верхний от Нила Алларда и относится к сентябрьскому письму, которое хранится в этой папке. Другой из Швейцарии, и я думаю, что это новый клиент, но факс на немецком языке, и я не уверена. Пришла почта и вот тут куча всего, возможно, ты захочешь взглянуть. Как обычно, я выбросила все, что было похоже на рекламу. Ах да, также звонили от четы Реми, чтобы сказать, что они не могут приехать сегодня. Они спрашивают, можешь ли ты встретиться с ними на неделе в это же время.

Она прошла к столу и положила почту, портфель и факсы в левый угол полированной кожи. Она не заметила Гомеса, потому что кресло прячет клиента от любого, кто входит. Я пользуюсь тем, что Гомес и Габриэла друг друга не видят и взглядом показываю, что я не один. Она подмигивает мне, в знак того, что поняла.

– Если тебе что-нибудь понадобится, свисти, я буду у себя.

Она поворачивается, чтобы уйти, и, делая вид, что удивлена, говорит:

– Доктор Педро, извините, я вас не видела. Доброе утро. У Сюзаны тоже есть почта, и она, должно быть, кладет ее вам на стол прямо сейчас.

Габриэла ушла без дальнейших церемоний, оставив Гомеса ошеломленным и явно расстроенным.

– Но... но вы позволяете секретарше так говорить с вами? И разрешаете ей читать факсы? Не много ли свободы? Поверьте, это нехорошо, нельзя слишком доверять людям. Слушайте, послушайте, кто-то даже может подумать, что между вами что-то есть. Романтические отношения с секретаршей – плохая идея...

И он разоряется в том же духе еще несколько минут, хотя я не обращаю на него никакого внимания.

Романтические отношения с Габриэлой? Меня не отвращает эта идея, но эта девушка не в моем вкусе. Так-то действительно, она очень дружелюбна и приятна в общении, не говоря уж о том, что умна, красива, хорошо сложена, а еще она замужем, у нее двое детей и она так же мало интересуется мной в плане романтических отношениях, как и я. Только грязный ум Гомеса мог вообразить ситуацию, что мои отношения с Габриэлой могли быть чем-то другим, кроме служебного товарищества. Когда он замолкает, я говорю:

– Мы с Габриэлой всегда были на «ты», и я, кстати, не вижу в этом никаких проблем, как и она. По правде говоря, за исключением вас, Лемоса Ногейры, и одного или двух сотрудников, которые, кажется, предпочитают такое обращение, я со всеми на «ты», даже с коридорным. Мне кажется странным, что вы этого не заметили. Что касается того, что она читает мои факсы, ну, она мой секретарь, и это экономит время, а потом, если я ей не буду доверять, кому мне доверять? – Гомес слушает меня со сдерживаемой яростью.

– Да, конечно, я заметил, что вы почти ко всем на «ты», – говорит он с некоторой болью, – но это совсем другое. То, что вы обращаетесь к другим так, это одно, но то, что они к вам на «ты» – это неприемлемо. Это может вызвать проблемы с дисциплиной и затруднить соблюдение субординации, понимаете?

Если бы это зависело от него, то сейчас все еще существовало бы рабство, а наемные работники имели бы право только на то, что боссы, в их величии, соизволили им дать, и они должны были бы быть благодарны за эти подачки, какими бы незначительными они ни были. Этот человек живет в предыстории человеческих отношений, но хуже всего то, что он не единственный, и кажется, что становится все больше и больше людей, которые не могут думать иначе, не могут смириться со своими маниями. Я решаю не говорить ему, то, что стоило бы сказать, зная, что это ни к чему не приведет, он убежден в абсолютной правоте своего образа жизни.

– Я думаю, вы ошибаетесь. У меня никогда не было проблем ни с кем, из-за обращения на «ты». Напротив, я считаю, что так жизнь протекает намного приятнее, меньше пахнет нафталином, не знаю, понимаете ли вы? Меня никогда никто не задевал неуважением, – да мне это и не важно, но это уже не касается Гомеса, – и никто не обрушил дисциплину, и никто никогда не отказывался сделать то, что их просят. Возьмем, к примеру, случай наших испанских коллег и их сотрудников, которые ко всем обращаются на «ты», и это никак не влияет на их качество работы.

Один из испанцев делал это нарочно, несмотря на имя и его постоянное настойчивое требование писать букву «z», а не «s», Гомес испытывает реальное отвращение к Испании, и я не мог удержаться, чтобы не вставить шпильку.

– На самом деле, есть примеры чрезвычайно иерархичных и очень дисциплинированных организаций, где все обращаются друг к другу на «ты», от самых низов, до самых верхов, и ничего, никакая дисциплина у них не страдает.

Я смолк, надеясь, что он хоть что-то поймет. Напрасная надежда. Гомес так просто не сдается.

– Да, да, я даже могу согласиться с тем, что это правда, хотя я не понимаю, как это может быть возможно, – «просто раскрой глаза, осел», думаю я, но не говорю этого, – если и так, то за границей. В Португалии все иначе. Люди разные. Португальцы очень недисциплинированы, и их нельзя оставлять без контроля. Для вашей же пользы.

Настоящий троглодит. В тридцать девять лет. Почему он ничего не понимает в жизни? Возможно, он даже не понимает, как это звучит. Но и воспитывать его не мое дело, даже если бы я мог. Я ничего не имею против тех, кому нравится, независимо от причин, поддерживать жизнь симулякра¹⁸ архаичных форм обращения в рабочих отношениях, в которых, как раз, мало архаики. Что меня огорчает, так это то, что, как правило, эти формы обращения не нацелены на сохранение вежливости старых времен, а используются для обозначения доминирующего положения над людьми, с которыми такие начальники имеют дело ежедневно. Над коллегам, как они их называют.

Но я отвлекся, передо мной Гомес, который смотрит на меня, как бык на дворец, (то есть с тем же выражением, что у быка, независимо от того, есть ли у него дворец перед рогами), ожидая, что я что-то скажу в ответ, но я немного растерял слова. Я не хочу обижать его, по моим жизненным правилам каждый имеет право быть кем угодно, даже идиотом, а ведь он мне ничего не сделал. Лучше всего использовать обычный слив разговора и двигаться дальше.

– Я не говорю, что я абсолютно прав, в конце концов, вы знаете Португалию и португальский язык неизмеримо лучше, чем я. Я не забываю (и люди вроде вас не позволяют мне забыть), что я здесь иностранец (хотя я прожил здесь большую часть своей жизни) и что, следовательно, есть вещи, которые вне моего понимания. Однако я могу повторить, что обращение на «ты», по обоюдному согласию, никогда не доставляло мне никаких проблем ни при каких обстоятельствах.

Успокоенный и удовлетворенный признанием его превосходного знания чего-либо, он заставляет себя улыбнуться и говорит:

– Я рад, что у вас не было проблем с этим, но на вашем месте я бы перестал это делать, – по-отечески советует он. – Это многое упрощает. Что касается нашего разговора, то именно Сюзана занималась бронированием, поэтому мне необходимы данные, ваши и девочки, чтобы она могла изменить имя в брони.

Он поднялся, опираясь на мой стол, и, пробравшись через бумаги и пошел к двери, его штаны шуршали, цепляясь за толстые бедра, которые терлись друг о друга, при каждом шаге, а клетчатые носки, торчащие из-под брюк, сползли на его толстых ногах.

– Нет-нет, совсем нет, – спешу сказать я. – Обо всем позаботится Габриэла, Сюзане не стоит беспокоиться. Вот, я ей уже говорю.

Прежде чем он успевает возразить, я нажимаю кнопку внутренней связи:

– Габи, пожалуйста, поговори с Сюзаной и попроси ее предоставить всю информацию о бронировании в Фуншале, которое она заказала, а позже мы поговорим. Спасибо.

Так что, по крайней мере, я уверен, что мне не достанется туристическая комната или бронь в двухзвездочном отеле с видом на холм. В конце концов, платит офис, и меньшие расходы на других означают большие расходы на Гомеса. По его лицу это нетрудно прочитать, поэтому он и хотел, чтобы обо всем позаботилась Сюзана, но я уже знал эту его манеру. Хотя он любит роскошь для себя, этот человек просто легенда скупости для других. Видя, что у него нет шансов сэкономить на мне, он легко помахал мне рукой и вышел за дверь.

Я вернулся к факсу Нила, вижу, что дело несложное, и мысленно помечаю себе ответить на него сегодня, затем перевожу взгляд на другой пришедший документ. Похоже, это действительно первое обращение по вопросу о наследстве, на которое я бы ответил, но факс адресован моему отцу – Габриэла, должно быть, не заметила – и ссылается на письмо, которого я не

получал, и имя отправителя, я вспоминаю, что где-то слышал его, но, поскольку я бы не сказал, что это срочно, я откладываю его в конец стопки дел, которые нужно сделать, и вернулся к работе, от которой оторвал меня Гомес.

Вопреки тому, что я думал, поскольку телефонных звонков не было и никто меня не отвлекал, мне удалось отправить ответ на пятничный факс до половины двенадцатого. Габриэла постучала в дверной косяк, чтобы сказать мне, что пора идти, но я был уже в плаще. Она подает мне холщовый мешок, когда я прохожу через холл, и я быстро иду дальше, вижу, что лифт на первом этаже, и спускаюсь по лестнице, почти сбивая Жуана, который поднимается мне навстречу.

– Эй, старик, ты сегодня рано. На тренировку? – Бросает он мне вслед, схватившись за перила, чтобы не упасть. Я говорю «да, до скорой встречи», и продолжаю спускаться без остановки.

Выбегаю на улицу, поворачиваю налево в сторону Шиаду, затем направо, где на углу книжный магазин Соариш-да-Кошта, иду по улице почти до конца и вхожу в третье здание справа. Я поднимаюсь на второй этаж, где dojō¹⁹ Айкидо, в которую я хожу более десяти лет, открываю дверь ключом и впускаю тех, кто уже ждет, бегу в раздевалку, без спешки меняю офисную одежду на keikogi²⁰ и следующие шестьдесят минут я и еще 10 энтузиастов потеем – неплохо для тех, кто решил использовать обеденное время, чтобы терять калории, а не копить их. Мастер Такеда находится в Японии на семинаре, и помощник мастера спросил меня и еще одного ученика, можем ли мы помочь ему с тренировкой в обеденное время. Правда, мне пришлось предупредить, что я не смогу приходить в среду и в пятницу. Обидно, мне очень нравятся эти тренировки в середине дня, потому что рабочий день так пролетает быстрее, и даже если я пропускаю всего два дня, я скучаю по ним.

После тренировки я возвращаюсь в раздевалку, снимаю кейкоги, открываю шкафчик, где у меня лежат ванные принадлежности, и прыгаю в душ, ополаскиваюсь почти холодной водой, на бегу вытираюсь полотенцем, которое всегда оставляю в сушилке, пользуюсь дезодорантом и одеколоном.

Снова надеваю костюм адвоката и выхожу с последним соучеником на улицу. Он рассказывает мне о трилогии «Матрица», которую считает лучшим из когда-либо созданных фильмов, и подробно описывает не вошедшие в фильм эпизоды, включенные в сотое расширенное издание коллекционной серии, которая только что была выставлена на продажу – ему пятнадцать лет а критическое мышление новорожденного.

Я не хочу возражать ему, есть вещи, которые мы должны понять сами.

Мы расстались на Гаррет-стрит, и я двинулся в сторону торгового центра. На верхнем этаже я покупаю легкий обед – суп, стейк на гриле с рисом, фрукты, стакан молока. Потом какое-то время сижу за одним из столиков в общей зоне ресторанов, и думаю о том, что еще мне нужно сегодня сделать. Закончив, я спускаюсь по лестнице и иду в офис. Прихожу я чуть раньше двух часов. Кроме радио Габриэлы, как всегда станция Вокс, ни звука в офисе, думаю, сегодня все пошли обедать одновременно. Так лучше. Я беру в руки второй и третий пятничные факсы, на которые отвечаю менее чем за час. Я отмечаю сколько времени у меня уходит на каждую работу, затем снова смотрю на факс Нила Алларда. Как я и ожидал, он не занял у меня много времени. Я все еще думаю, не написать ли, что я еду в Фуншал, где я знаю, он почти наверняка будет, но решил это не упоминать в своем ответе. Я также отмечаю время, потраченное на ответ Нилу, и откладываю его дело к другим, уже выполненным для того же клиента. Поскольку срочных дел не осталось, я пользуюсь возможностью просмотреть почту, которую Габриэла принесла утром. Сообщение от Ордена, сопровождаемое проспектом, напечатанным в цвете с большим количеством фотографий, для семинара, который кажется слишком дорогим, для того, чтобы узнать что-то, о чем я никогда не слышал. Я не думаю, что мне это интересно, и откладываю письмо и проспект в папку справа от себя. Два судебных уведом-

ления с назначенными слушаниями по двум текущим делам. Открытка от двоюродной сестры Филипы, которая в Австралии заканчивает курс морской биологии, пишет, что отправилась на прогулку в Тасманию, звучит интересно, может быть, однажды я смогу туда заскочить. Два счета кредитных карт, на них ноль. Интересно, зачем они вообще присылают мне такое. Коричневый конверт формата C5²¹ из Швейцарии, адресованный господину доктору Небулони. Кого я знаю в Швейцарии, кто стал бы слать мне такой толстый конверт? Некто Г. Бошан, судя по имени отправителя, хотя это мне вообще ни о чем не говорит.

Я открываю конверт и вытаскиваю сложенную пополам стопку бумаг. Это фотокопии документов, в основном на языках, которых я не знаю, хотя один может быть на русском или что-то в этом роде, но есть и три документа точно на португальском. Два свидетельства о рождении, одно из которых датировано 1999 годом, а другое 2001, двое детей, одно женское – Ольга, а другое мужское, без имени, только дата и место рождения и, следовательно, зарегистрированное на имя матери, серийный номер Ванбэйн10D2001, ребенок пришел в этот мир в Луанде, в частной клинике. Третья фотокопия на португальском – это то, что мне сначала кажется багажной биркой, но потом я понимаю, что это браслет новорожденного, судя по размеру. Там напечатано «Частная клиника Белен» заглавными буквами и имя Арантес (Вальмиссон), написанное, по-видимому, фломастером; внизу стоит дата 15 января 2002 года и последовательность цифр и букв SxMClOKDlv:0203. С таким кодом этот Белен точно должен быть в Бразилии. Но зачем мне это прислали? И почему фотокопии помятые и грязные, на них пролито что-то красноватое... ржавая вода? Могли бы кому-нибудь другому отправить... Я откладываю листы и беру сопровождающее их письмо.

"Sehr Geherte Ric"²²... По крайней мере, часть тайны раскрыта. Письмо адресовано отцу, но кто, из клиентов Рика, еще не знает, что он умер, я думал, что предупредил всех. Это старое письмо? Но нет, датировано прошлой средой. Я тщательно пытаюсь расшифровать мелкий почерк этого Герхарда Бошана, который, кажется, писал письмо стойкими чернилами, утиным плохо оточенным пером. «Я прошу тебя простить меня за долгое молчание, но, как ты уже знаешь, если Ленц застал тебя перед возвращением в Бразилию, я все это время лежал в больнице. Тот, кто пытался вывести меня из строя, не был профессионалом. Я, конечно, ничего не помню; примерно месяц назад я был в коме и с тех пор только время от времени приходил в сознание. Всего три недели назад я полностью пришел в себя и смог вспомнить, где спрятал фотокопии, которые отправляю тебе. Они немного помятые и грязные (кровь моя), но я не хотел делать новые, потому что качество могло стать еще хуже. Я надеюсь, что они еще могут помочь. Звони, если нужно. На самом деле, мне нравятся телефоны, потому что твой номер нельзя отследить. Обнимаю, твой Гер».

Что за странное письмо. Я снова просматриваю фотокопии и вижу, что все они выглядят как официальные документы, не старше пяти лет, если судить по датам, свидетельства о рождении, возможно, ангольских детей. Я понятия не имел, что мой отец мог иметь какое-либо отношение к таким делам. Но сегодня я больше ничего не узнаю, в письме нет номера телефона, и мне еще многое нужно сделать, и потратить время на то, чтобы попросить адресную службу дать мне номер на основе адреса. Может быть, завтра.

Я бросаюсь на кучу дел, которыми нужно заняться, и вижу брошюру о семинаре в Фуншале, которую Гомес, должно быть, незаметно оставил у меня на столе. Она напоминает мне, что я должен поговорить с Габриэлой, и по телефону я прошу ее забронировать два места на рейс завтра днем и номер с двумя кроватями и видом на залив на верхнем этаже в Перл-Бэй. Отель немного вдали от места проведения семинара, но, судя по тому, что я помню со своего последнего визита, он лучше всего подойдет для Бекки.

Я возвращаюсь к подвисшим делам и заканчиваю в два движения три дела, над которыми я сидел несколько дней, может быть, просто ждал подходящего момента. Я пересматриваю остальные дела и снова оказываюсь лицом к лицу со швейцарским факсом, который на этот

раз читаю более внимательно. Он от некого Гвидо Кройцера, юриста, который говорит, что мой отец получил пакет, оставленный ему умершим парнем по имени Конрад Ленц, и что мой отец может связаться с ним, чтобы уточнить детали доставки. Два письма для отца в один день и оба из Швейцарии. Моя память заставляет меня расписаться в бессилии, и я снова беру письмо Бошана. Он говорит о Ленце, том самом? Внезапно я вспоминаю имена, которые слышал сегодня утром в Euronews. Три двадцать девять, выпуск новостей в три тридцать, может быть, они упомянут эту новость еще раз.

Я вскакиваю и бегу в офис Габриэлы, которая в наушниках что-то пишет на компьютере. Я закрываю дверь и включаю телевизор, прежде чем она успевает что-то спросить. Он смотрит на меня с тревогой.

Я сигнализирую ей, что все в порядке, и перехожу к телевизору. Почти в конце выпуска они снова сказали о двух изуродованных телах, найденных неделю назад в Манаусе и опознанных вчера: Элиза Феррара, итальянский врач, и Конрад Ленц, швейцарский журналист. Слишком много совпадений, должно быть, это тот же сорт совпадений, про который знали Бошан и мой отец. Но как и откуда? И кто такой Бошан? Я выключаю телевизор и ухожу к себе, не сказав Габриэле ни слова.

Вернувшись к своему столу, я беру факс и набираю распечатанный номер телефона. Я долго слушаю гудки, прежде чем берут трубку.

"Creutzer-Scheider advokat firma, Grüezi²³".

– Grüezi, меня зовут Карл Небулони, я юрист, со мной связался доктор Гвидо Кройцер, с которым я хотел бы поговорить.

– Как поживаете, доктор Небулони? Боюсь, что доктора Крейтцера не будет ни сегодня, ни завтра, не могли бы вы позвонить в среду или вы хотите, чтобы он вам перезвонил?

Я сказал ему, что попробую перезвонить, но все равно дал ему свой прямой номер, и если меня не будет, то он сможет поговорить с Габриэлой.

Которая, кстати, только что вошла с выражением выполненной миссии на лице.

– Вот билеты и бронь номера. На зеленом стикере код бронирования, с этим пойдешь прямо на регистрацию, билеты электронные. На желтом стикере номер телефона отеля и имя мальчика, с которым я говорила на случай, если возникнут проблемы.

Я беру два стикера, которые она дает мне, и наклеиваю их на завтрашний лист моего ежедневника.

– Ты придешь завтра или хочешь, чтобы я отменила завтрашние планы?

Я смотрю на повестку дня и вижу, что я только что назначил встречу с наиболее продвинутыми стажерами, чтобы узнать, кто из них хотел бы остаться с нами, а у кого уже есть другие планы. Я говорю Габриэле перенести встречу на следующую неделю и не забыть уведомить Мейреллеса, который обычно отвечает за стажировку. Она смотрит на меня, словно хочет сказать: «Как ты смеешь думать, что я забуду предупредить Мейреллеса», но пометку делает.

– Нет, я не думаю, что приду. Самолет в час, да? У меня времени только собраться? Как думаешь, сможешь прожить эти дни без меня?

Я спрашиваю очень серьезно.

– Ммм, я не знаю, шеф. Я думаю, что как минимум две практикантки будут сильно по тебе скучать...

Я моргаю, и мы оба смеемся. Со мной вообще никто из стажеров не флиртует, и Габриэла это хорошо знает, так как я слышал, что они думают, что я слишком мелкая сошка по их мнению. Но так лучше, возиться с этим меня бы смущало.

– Но я пришла сказать, что прибыл полковник Мартинс, проводить?

Мартинс, я совсем забыл об этом человеке! Я говорю Габриэле не беспокоиться, я сам выйду к нему. Полковник Кунья Мартинс - пожилой мужчина, под пятьдесят, он был нашим клиентом со времен моего двоюродного дяди. Он - настоящая жемчужина среди людей, и ему

очень нравится посещать офис, когда он гуляет, хотя мы оба знаем, что большинство вещей, которые он просит меня сделать, можно сказать и объяснить по телефону.

Забронируйте встречи как минимум за пятнадцать дней и исполните все запланированное до мельчайших деталей – такие у него распоряжения. К счастью, он никогда не занимает много времени. Сегодня он пришел, чтобы попросить меня помочь с описью вещей, которые он хочет внести в завещание.

Он подает мне исписанный от руки лист формата А4, на котором четко написано то, что он только что сказал мне устно. Он спрашивает меня про Бекку и как у нас дела, крепко пожимает руку, хлопает меня по плечу и уходит, так же быстро, как вошел. В общей сложности все заняло не более двадцати минут. В таком возрасте быть таким быстрым – это же идеальный пациент, о котором мечтает любой геронтолог.

Я вижу, что уже двадцать минут пятого и начинаю собираться, Бекка ждет меня в пять, и я не люблю ее разочаровывать. Она, правда, еще не умеет понимать время, но есть и другие способы узнать, опаздываю я или нет, например, посмотреть, кого уже забрали, а кого еще нет, и посчитать «среднее»... Их гораздо сложнее обмануть, чем вы думаете. Неосознанно, я положил письмо Бошана и факс Кройцера в папку, даже не знаю почему, а также вынул электронный календарь отца из ящика и дополнительные карты памяти, которые он хранил на фальшивом дне – я все уже просмотрел, но никогда не знаешь, что обнаружишь, если смотреть с другого угла.

В плаще я дважды стучусь в дверной косяк к Габриэле, чтобы попрощаться и спросить, не хочет ли она, чтобы я привез ей что-нибудь из Фуншала, она отвечает «нет» и желает нам благополучно съездить.

Я уже берусь за ручку двери, когда вдруг кое-что вспоминаю, возвращаюсь и говорю, чтобы она никому не говорила, даже под пытками, где мы собираемся остановиться. Если бы я не увернулся, ластик прилетел бы мне в лоб. Я бегу к выходу, убегая от несущегося мне вслед эпитета «ненормальный босс, не заслуживающий своего секретаря».

В метро еще не очень людно, и я захожу на Авеню Республики без десяти пять, что дает мне время прогуляться до Санчо Панса и поглазеть на девушек. Это спорт, который приносит гораздо больше удовольствия летом, но парень в моей ситуации должен хвататься за возможности, когда они появляются. Я бы ни на что не променял ответственность за Бекку, но также верно и то, что она полностью разрушила мою личную жизнь – не говоря уже о сексуальной, которая, как говорят, находится в анабиозе. В любом случае, если понять почему Изабель ушла от меня, то нельзя даже считать, что это плохо. Лучше уйти, чем остаться и усложнить жизнь мне и малышке.

Но это еще не все, быть родителем-одиночкой действительно сложно. Как парень может пойти повеселиться вечером? Оставить Бекку с няней? Это должен быть очень особенный человек, чтобы она его признала, и, если случится снова ночь кошмаров, я не уверен, что няня сможет ее успокоить. Вот если бы Лотта приехала на рождественские каникулы, но похоже, она не приедет, она, должно быть, захочет провести их с Джаспером в Копенгагене.

Но я не знаю, на что жалуюсь, эта фаза кошмаров, когда ей нужно больше внимания, не может длиться вечно, и как только ей станет лучше и она немного подрастет, я смогу попросить кого-нибудь посидеть ней несколько часов и вернуться в общественную жизнь. Мне нужно найти новых друзей, потому что большинство из тех, что были у меня до аварии, постепенно исчезли. Я не виню их, но меня такие друзья не устраивают.

Я подхожу к дверям детского сада и ничего. Бывают дни, когда их не видно. Я иду в заднюю комнату, где они должны закончить свой обед, и меня встречают, бегом бросаясь ко мне, и мои руки хватают маленькие ручонки, полные крошек и измазанные маслом, и я слышу крик «Калле, калле!»

Я сразу забываю, что у меня нет личной жизни, нет девушки и я не был в кино, на концертах или выставках с тех пор, как умерли родители. Слышать ее и видеть ее такой счастливой, когда мы снова встречаемся в конце каждого дня, более чем достаточно, чтобы я не вспоминал о личной жизни некоторое время. Я спрашиваю, как прошел день, и мне говорят, что все прошло хорошо. Мы прощаемся с ее друзьями, и я веду ее в ванную комнату, где мою ей руки и лицо перед тем, как надеть плащ и шарф, и, хотя дождя нет, уже темнеет, и вечер ветреный и неприятный.

Я иду к выходу, но возвращаюсь, чтобы сказать Ане, что Бекки не будет до понедельника, и получаю вторую улыбку за день. Это приятно, и хоть все идет хорошо, с Беккой сложно, и, если вдруг что-то пойдет не так, больше всех пострадает Бекка.

Обратный проезд в метро прошел без происшествий несмотря на то, что мы взяли с собой откидное сиденье и поезд был полон к пяти часам.

На подъезде к Маркешу, я спрашиваю Бекку, не хочет ли она пойти посмотреть на огни и съесть мороженое, которое просила утром, но она мотает головой, и мы пересеживаемся на поезд до Коломбо. Приехали без затруднений, потихоньку поднимаемся по лестнице - с автокреслом в руках - садимся в машину и едем домой.

Я открываю дверь дома в шесть. Нельзя сказать, что мы добрались молниеносно, учитывая, что ехали из центра в центр.

Я приступаю к приготовлению ужина, о котором думал еще в детском саду Бекки. Детям сложно готовить, им быстро все перестает нравиться. Но сегодня у меня не кулинарное настроение (когда оно у меня, вообще, просыпалось?). И я не собираюсь делать ничего кроме золотых рыбок на гриле с картофельным пюре, яиц-пашот и резанных помидоров - всего, что, как я знаю, ей нравится – или, по крайней мере, обычно нравится. К блюду пойдет стакан холодного молока, его она тоже любит, и банан для обезьянки на десерт.

В половине седьмого мы садимся за стол, и я начинаю говорить о завтрашнем путешествии. Сначала ей очень нравится эта идея, но потом она понимает, что не сможет быть со своими друзьями, и Бекка задумывается, как теперь ей эта идея. Наконец, она приходит к выводу, что летать на самолете веселее, чем ходить в детский сад, и азарт берет верх. Может, мне не стоило ей говорить, теперь, должно быть, ее будет трудно уложить в постель ...

– Калле, можно я сяду к окну? - спрашивает она умоляюще, на шведском, как и каждый раз, когда мы путешествуем на самолете.

- Конечно, конечно, детка, а почему?

Я уточняю, зная, что она хочет, чтобы я спросил. Она смотрит на меня, словно не понимает, как я могу считаться взрослым, если не понимаю, почему она хочет сидеть у окна.

– Ну, ты можешь видеть другие самолеты и уток, когда они проносятся мимо нас, så kla't!²⁴

Ну конечно, как я мог сразу не сообразить, что это то, ради чего люди сидят у иллюминаторов. Мы продолжаем разговор на трех языках, как обычно, примерно до семи тридцати, и она начинает зевать, но решает, что хочет посмотреть Пеппи. Сначала мы идем в ванную, чтобы она вымыла руки и почистила зубы, а затем я убегаю от нее в комнату с телевизором, смеясь и крича:

– Никакой щекотки!

Я вставляю диск, включаю телевизор, сажаю ее в большое кресло, и, как я и ожидал, минут через пятнадцать она засыпает.

Я несу ее в свою спальню, передеваю в пижаму, накрываю пуховым одеялом, потому что ночь сырая, и выхожу на цыпочках, оставляя свет на прикроватной тумбочке включенным, на случай, если она проснется.

Затем я привожу в порядок кухню, запускаю стиральную машину и собираю чемодан, затем сажусь перед телевизором, чтобы посмотреть выпуск в 9:30 на Euronews. Они снова упо-

минают имена Ленца и Феррары, на этот раз чтобы сказать, что те были на службе у организации ЕС, занимающейся защитой детей (IEPI²⁵), и в Бразилии они занимались расследованием случаев незаконного усыновления. Служба получила жалобы на продажу и похищения детей.

Подробностей было немного, этот канал не для этого. Завтра я попробую купить в аэропорту газету, которая расскажет мне больше, возможно, кто-то из них был человеком, чья смерть заслуживает более тщательного рассмотрения, чем краткое упоминание в Euronews.

Когда новости заканчиваются, я беру портфель, иду в кабинет, делаю копии писем, приложений и факсов, и кладу в сейф родителей, где они хранили важные документы, оригиналы. Если убитые расследуют случаи незаконного усыновления и похищения детей в Бразилии, очень вероятно, что идентификационный браслет и документы, которые, похоже, свидетельства о рождении, также относятся к детям, незаконно усыновленным или похищенным в других странах. Не имея возможности прочитать другие, я снова обращаю внимание на ангольские свидетельства. Теперь я замечаю то, что раньше не привлекло мое внимание, под именем матери в месте, где должна быть указана профессия, в обоих случаях прочерк. И в обоих случаях прочерк в графе отец.

Это может ничего не значить, но кажется странным, что человек может позволить себе частную клинику, и давайте предположим, что это действительно частная клиника, не указывая профессию матери, или имя отца или его профессию, указав только имя матери. В любом случае, если бы это была нежелательная беременность, которую не хотели прерывать ни по какой причине, было бы лучше все скрыть. Чем больше я думаю, тем страннее мне это кажется. И снова мне интересно, а какое, черт возьми, к этому имеет отношение мой отец?

У нас не было ангольских клиентов, а бразильцев и того меньше, в офисе только Гомес поддерживает контакты с Бразилией, где он иногда проводит отпуск, но, насколько я знаю, у него нет дел, связанных с усыновлением, и ему не нужно заниматься этим. В понедельник я спрошу его, знает ли он что-нибудь об этой частной клинике. Белен, это название мне незнакомо, где это? Я беру атлас и нахожу Белен на севере страны. Ясно, столица штата Пара, находится в устье одноименной реки. Нельзя сказать, что это маленький город, по данным одной из последних переписей там числится около 190 тысяч жителей. Но все равно там не должно быть много частных клиник, и, если закон аналогичен португальскому, может быть только одна с таким названием. Осталось ее найти. Однако, чтобы больше не тратить время зря и потому, что все это мне кажется очень любопытным, я пишу Бошану письмо, в котором, без подробностей, прошу его срочно связаться со мной и даю мой прямой номер. Завтра сброшу письмо в аэропорту. Перед сном я делаю последний звонок, чтобы заказать такси на одиннадцать утра.

ТРИ:

Мой день начинается в обычное время, с упражнений, которые были частью моего утра уже несколько месяцев. Поскольку я несколько раз отвлекаюсь, когда думаю об истории Ленца и Феррары, я не заканчиваю до семи – и мне приходится начинать несколько подходов с самого начала, потому что не помню, сколько раз я чего сделал, наказание, направленное на улучшение моей памяти и концентрации, но это мало помогает. Я даю Бекке поспать подольше, хоть ночь была неплохой, пусть она отдохнет, я завтракаю и пакую ее вещи и свои, или, вернее, я пакую свои вещи в чемодан и оставляю то, что предполагаю, она возьмет, на кровати в ожидании ее одобрения (или нет). Посреди ее комнаты я поставил чемодан на колесиках Petit Spiro, чтобы она могла взять с собой игрушки.

Я хочу принять душ, прежде чем разбудить Бекку, и, когда захожу в ванную и вижу себя в зеркале, я решаю, наконец, сбрить бороду. Я промокаю лицо горячей водой, массирую кремом на основе эвкалиптового масла, накладываю ментоловый крем с зародышами пшеницы и ланолином в фарфоровую миску и вспениваю кистью из меха куницы.

Я жду несколько минут, чтобы крем хорошо впитался, а затем покрываю лицо пеной. Я жду еще несколько минут перед бритьем, а после бриться снова наношу крем с эвкалиптовым маслом, потом массирую лицо Floïd - лосьоном после бритья, который мой дедушка присылает мне из Мадрида с удивительной регулярностью, хотя я уже сотни раз говорил ему, что могу сам купить его в Corte Inglés²⁶. Выглядит, словно я неженка, но много лет бритье было для меня мучением, а теперь, я могу бриться хоть дважды в день, без всякого раздражения кожи.

Я принимаю душ за пять минут, вытираюсь и иду одеваться в свою комнату. На Мадейре более жарко и влажно, чем в Лиссабоне, поэтому я выбираю двубортный костюм из весенней коричневой гасманской шерсти, кремовое нижнее белье, носки цвета охры и желтую хлопковую рубашку с пуговицами и отстрочкой на воротнике яркого желтого цвета. Галстук плотного темно-зеленого шелка с геометрическим охристым орнаментом, который сочетается с цветом рубашки и костюма. Я надеваю светло-коричневые туфли на шнурках, но замечаю, что их нужно чистить, и иду в кладовку за коробкой со смазкой. Быстро и аккуратно, чтобы не пачкаться, чищу обувь и снова обуваюсь. А затем возвращаюсь в ванную, чтобы вымыть руки, анализирую свое отражение в длинном зеркале и, довольный результатом, собираюсь разбудить Бекку.

Ей не понадобилось много времени, чтобы вспомнить, что сегодня она летит на самолете. Он начинает прыгать в постели, и мне приходится ее остановить. Потом мне удается заткнуть ее в душ и оставить ее саму вымыться, так, как ей хочется. У нее не очень это получается и занимает больше времени, чем принятие ванны, но так она чувствует себя более взрослой.

Я веду ее на кухню, кормлю завтраком, отвечая на бесконечные вопросы о самолетах и о том, что такое Мадейра, и мы идем к ней в комнату, выбирать одежду. Как ни странно, сегодня с одеждой мы разобрались быстро, должно быть, из-за волнения перед неожиданной поездкой, она даже не критиковала то, что я для нее отложил. Пока она выбирает игрушки, которые мы возьмем с собой, я заканчиваю паковать чемодан, и ставлю его у дверей. Беру рабочий телефон, но потом решаю взять личный, а этот оставляю на столе.

Еще час до такси, поэтому мы сели читать книгу сказок. Между вопросами, большинство из которых совсем не относились к сказке, я почти успел дочитать Золушку, прежде позвонило такси.

По пути в аэропорт, как и следовало ожидать, мы встаем в пробку – у всех обед. ДТП с участием трех автомобилей у заправки Repsol, уже приехали полиция и скорая помощь, которые перегородили весь Второй проспект, все это вовсе не помогает нам добраться до аэропорта так быстро, как бы хотелось.

Спустя почти сорок минут мы забираем чемодан из задней части Мерседеса и кладем его в тележку, которую оставил другой пассажир, я оставляю таксисту чаевые и прошу чек, затем усаживаю Бекку на чемодан, и мы едем на регистрацию.

– Неболони, вы говорите, синьор? Нет брони на такое имя. У вас есть код? – я показываю ей зеленую бумажку Габриэлы и жду, пока она ищет нас в системе. Через некоторое время он обнаруживает:

– Ах, Небулони... - наконец восклицает она, подчеркивая «у», хотя я писал ей имя дважды, маркирует чемодан и выдает нам посадочные талоны.

– Седьмой выход, в 12.40. Счастливого пути.

Я протягиваю руку Бекке, мы идем к почтовому ящику, чтобы опустить письмо, проходим проверку безопасности и гуляем по магазинам, пока не объявят посадку.

После как нас проверили трижды, а посадочные талоны дважды, чтобы удостовериться, что мы точно не спустились с парашютом тайком между контрольными точками аэропорта, мы с полными руками игрушек сели на места в первом ряду, когда самолет почти улетал без нас. Бекка улыбается от уха до уха. Думаю, я еще долго буду спрашивать себя, как она убедила меня столько всего закупить. И при всем этом я забыл купить газету! К счастью, на рейсе много иностранцев, и я могу выбирать из Ежедневных новостей, Международной трибуной, Миром и Вечерними вестями, которые я собираюсь прочитать, после того как съем обед и помогу пообедать Бекке.

Сегодняшние Трибуна и Ежедневные новости отвели часть первой полосы решению правительства Мозамбика добавить английский к португальскому в качестве официального языка страны, заявляя о коммерческих связях и участии в британском сообществе, и перепечатку от Ройтерс по Бразилии, похожую на информационный выпуск Euronews, кратко и содержательно.

Мир тоже пишет о Мозамбике, размышляет о возможной независимости Азорских островов и будущем присоединении архипелага к Соединенным Штатам и ничего не говорит о Бразилии.

Только Вести упоминают об этом деле подробнее, в коротком абзаце на первой полосе указана страница с продолжением статьи, ей отведено полстраницы в международной рубрике, вместе с анализом ситуации в Ираке и интервью с португальско-американским юристом, президентом движения за независимость Азорских островов, базирующимся в Вашингтоне.

После биографической справки доктора Феррары и работы, которую он выполнял для еврокомиссии, Вести сообщают, что «он поехал в Бразилию, а точнее в штат Амазонас, чтобы провести расследование совместно с Федеральным правительственным институтом защиты детей. Обвинения Бразилии в незаконном усыновлении, похищении и продаже детей, в которых якобы участвуют граждане Европейского Союза. Поскольку до сих пор нет доказательств фактического участия граждан ЕС, присутствие доктора Феррары в Бразилии и его участие в опросе было только в рамках существующего сотрудничества между двумя организациями по защите детей и не играло официальной роли». И далее: «Новость об этой бесчеловечной торговле впервые была освещена господином Конрадом Ленцем в швейцарской газете «Время Цюриха», который также сопровождал расследование, по просьбе доктора Феррары, с которой он ранее работал в другом известном расследовании ужасающей ситуации с сетью педофилов, которое проводилось несколько лет назад. О сетях педофилов, также сообщалось в газете (...). Ужасно изуродованные тела обоих расследователей и сопровождавшего их доктора Марсело Кабаниши из Управления защиты детей штата Амазонас были найдены на свалке к северо-западу от Манауса.

Экспертиза показала, что они подверглись жестокому нападению собак и впоследствии были разрезаны на куски мачете, так, что опознание затруднялось. Никаких документов не было обнаружено ни в одежде, которая была на трупах, ни в непосредственной близости от того места, где они лежали. Но об исчезновении доктора Кабаниши, заявила его жена, и по

зубной карте Марсело его смогли опознать, и, вместе с ним, обоих расследователей. (...) Полиция, однако, не считает, что это ужасное преступление имеет какое-либо отношение к текущему расследованию незаконных усыновлений, учитывая, что на одежде обоих европейцев были обнаружены следы героина.

По словам представителя полиции, это классический случай «расплаты» или досадное столкновение расследователей с бандой наркодилеров, которая идет полным ходом (в северо-западной части страны). Через Бразилию проходят транзитные маршруты между различными районами выращивания наркотиков в Колумбии, Перу и Боливии, которые почти не патрулируются армией, поэтому при столкновениях результат один. Особого расследования не ведется, дело квалифицировано, как обычное убийство (...) »

Наркотики? Дилеры? Я не Шерлок, но, если что-то и было приято за уши во всю эту печальную историю, так это героин, который, как говорят, нашли в одежде. Я, конечно, не сомневаюсь, что он там был, но было бы очень странно, если бы его не подложили специально. Благодаря обнаруженным наркотикам чрезвычайно удобно отвлечь внимание и очернить работу, которую Феррара, Ленц и этот Марсело Кабаниши делали в Манаусе. С каждым разом все любопытнее, как сказал уже не помню кто.

Предупреждение пристегнуть ремни безопасности застало меня врасплох, я не заметил, как прошло время. Бекка спит рядом, уткнувшись головой в подушку, уставшая смотреть в окно в поисках уток и самолетов, которые нужно пересчитать. Я проверяю, что ее ремень все еще туго затянут, и позволяю ей спать. Самолет продолжает постепенное снижение до Мадейры, миновав Понту-Санту, который можно увидеть слева, и пересекает восточную границу острова, пролетая над местом, которое пилот называет Понта-де-Сан-Лоренсу.

Он летит по острову вдоль побережья, проезжает аэропорт и огибает море, чтобы приземлиться между востоком и западом, и снова летит вдоль побережья. Вид впечатляет, слева от самолета можно увидеть то, что кажется непрерывным горным склоном, который практически выходит из моря, пляжей, достойных такого названия, нет, только бухты с галечным дном, в одной такой деревенька Санта-Крус, и дома, огромные дома всех размеров и форм, очень близко расположенные друг к другу, посреди бесконечного зеленого моря.

Если бы я первый раз летел, я бы решил, что мы просто едем на машине в горной стране, так низко мы летели над островом. Бекка просыпается от тряски при посадке и протягивает мне руку.

Самолет склоняется то на одно крыло, то на другое, пока пилот ищет лучший подход через противоречивые ветры, с которыми ему, кажется, пришлось столкнуться. Наконец, шасси касаются гудрона взлетно-посадочной полосы, достаточно плавно, и сразу же выключаются двигатели, что вызывает оглушительный шум и вызывает громкие аплодисменты пассажиров.

Чуть более чем через двадцать минут мы забрали чемодан, и оказались в начале очереди к канареечно-желтому такси с двумя продольными синими полосами, посреди солнечного дня, голубого неба и очень приятной погоды. Мы сели в первое такси, Рено Лагуна, водитель которого сразу же заговорил со мной по-немецки, сказав, что никто не знает остров так, как он, и что запланировать экскурсию на его такси лучше, чем на автобусе. Я перебиваю его, чтобы сказать, куда нам нужно, я, конечно, говорю с ним по-португальски, что удивляет его.

– Извините, я не думал, что синьор португалец. Вы совсем не похожи.

Говорит он с мягким мадейским акцентом. Все в порядке, я говорю, не извиняйся, я и подумать не мог, что похож на немца.

– Итак, вы в отпуск? Собираетесь играть в гольф? Хорошая пора сейчас. Если вам нужен транспорт, позвоните мне, меня зовут Марко, вот номер мобильного.

Этот человек настойчив, но правда в том, что, судя по очереди в аэропорту, лучше всех привлекает клиентов тот, кто не упускает шанс. Карточку я сохраняю и обещаю перезвонить, если решу поехать на экскурсию, но, вероятно, у меня не будет времени.

– А, вы работать. На семинар, нет? Сегодня приехало много людей, только я сделал четыре рейса: два в казино и два в Reid's.

Он продолжает говорить о том, как много людей будет на семинаре, но, поскольку я не выгляжу заинтересованным, да мне и на самом деле это не интересно, он решает заткнуться и позволить мне насладиться пейзажем. Бекка очень тихо сидит рядом со мной, пристегнув ремень безопасности, и смотрит куда-то в окно.

– Куда ты смотришь, Бекка? – мягко говорю я по-португальски, ни за что я не хочу выказать, что я понимаю шведский и я завожу новый разговор сам.

– Ничего, я просто смотрю на дома и деревья. Ты думаешь, они не упадут с горы?

Я говорю ей, чтобы она не волновалась, потому что они в полной безопасности, но я понимаю ее страх: некоторые дома выглядят так, будто свисают со склона холма.

Через двадцать минут прибываем в гостиницу. Я плачу таксисту, прошу чек и оставляю сдачу.

– Не забудьте обо мне, – снова говорит он, кивнув швейцару отеля. Мы дважды миновали вращающуюся дверь, потому что Бекка подумала, что это такая забава, и мы подходим к стойке регистрации.

– Guten tag, hertzlich willkommen zum Pearl Bay Resort Hotel!²⁷ – говорит нам очень милая девушка за стойкой с мраморной столешницей. Я сегодня проснулся немцем?

– Добрый день, я полагаю, у вас есть бронь на имя Карла Небулони?

Она краснеет до корней волос.

– Простите, доктор Небулони, я не знала, что вы говорите по-португальски. Вы выглядите как немец.

Одно не исключает другое, думал я ответить, но передумал и сказал:

– Да, я знаю, мне сегодня уже говорили, – я меняю тему разговора, – Погода хорошая? – Обрадовавшись, что меня не задела ее ошибка, девушка, у которой на левом кармашке форменной рубашки бэдж, на котором написано, что ее зовут Микаэла, улыбается и отвечает, что погода очень хорошая, подтверждая слова водителя такси. Она дает нам магнитные карты-ключи, желает хорошего отдыха и зовет коридорного, чтобы он проводил нас в комнату на шестом этаже.

Мы прошли налево от стойки регистрации, миновали два пандуса, один вверх, другой вниз, и поднялись на лифте. Коридорный провел нас по прямому холлу до конца и открыл дверь в комнату слева, и все это не говоря ни слова. Он поставил чемодан на столик и пожелал нам хорошего отдыха, я дал ему несколько монет, и он ушел, тихо бормоча «спасибо».

Номер оформлен в пастельных оттенках розового и зеленого, светлый ковер, темные занавески, обставлен светлой деревянной мебелью, которая отражает свет, проникающий через окно. Я открываю балконные двери, откуда открывается вид на залив Фуншала, как я и просил, и выхожу, пока Бекка, которая уже сняла туфли, носки и брюки, прыгает по кроватям. Слева передо мной громада Reid's, самый известный отель Мадейры, с длинным списком знаменитостей, останавливавшихся здесь за более чем сто лет существования; на заднем плане, тоже слева, залив Фуншала и часть отреставрированной пристани для яхт, а дальше – виднеется сам остров, пока он не поворачивает и не скрывается из виду.

Справа от меня только море. Так же, как я помню, когда был здесь с родителями год назад. Я уселся в одно из плетеных стульев, сложив ноги на балюстраду и слушаю море, пока Бекка весело перекидывает подушки с одной кровати на другую.

Я позволил себе просидеть так полчаса, затем позвонил Габриэле, сказать, что мы приехали и что она может звонить мне по личному номеру, если ей что-нибудь понадобится.

– Не волнуйся, шеф, вот увидишь, в этом не будет необходимости. Все под контролем. Используй этот семинар, чтобы отдохнуть.

Как обычно, она попадает в яблочко, что заставляет меня подумать о Гомесе, и о том, почему он решил не ехать. Любопытно, и я спрашиваю:

– Ты видела ПИГа сегодня?

Ответ меня сбивает с толку.

– Нет, похоже, он улетел утренним рейсом в Базель. Сюзана говорит, что на встречу с клиентом, ты ничего об этом не знаешь?

Я говорю «нет», но меня это не удивляет, в конце концов, что кто знает о клиентах Гомеса, так это Гомес, даже если они клиенты фирмы. Я прощаюсь и захожу в комнату, где Бекка почти разобрала кровати своими прыжками. Я восхищаюсь ее энергией, но делаю вид, что недоволен.

– Бекка, посмотри, что ты наделала, и где же мы будем спать?

Она перестает прыгать и с грустью смотрит на меня.

– Ты должна помочь мне привести кровати в порядок, чтобы мы могли поспать, иначе завтра мы проснемся очень уставшими, хорошо?

Ее подбородок поднимается и опускается, соглашаясь со мной. Сказано – сделано, она спрыгивает на пол, и следующие десять минут помогает мне натягивать простыни и одеяла на место, пока кровати не выглядят более-менее похожими на то, как выглядели, когда мы только вошли в номер.

Итак, четыре часа, пора обедать. Я снова одеваю Бекку, и мы ищем, где ее покормить.

Проходя мимо стойки регистрации, я спрашиваю Микаэлу, есть ли в отеле услуги няни, и узнаю, что они есть. Я резервирую одну, с завтрашнего дня и до пятницы, чтобы та посидела с Беккой, пока я на семинаре. Выйдя из гостиницы, мы поднялись по крутому склону к дороге и пошли по набережной, по дороге, которая называется Монументальная.

Мы проходим мимо ресторана, который, должно быть, был чьим-то домом, потом мимо еще одного старого дома, теперь приспособленного под паб в ирландском стиле, огромного отеля, еще ресторана, агентства недвижимости, пока не доходим до перекрестка, где, кажется, была гряда магазинов, включая кафетерий. Мы идем туда, но что-то никакого кафетерия там нет, поэтому мы возвращаемся в отель, и решаем пойти в бар у бассейна, где я видел блюда, которые нравятся Бекке.

Когда мы проходим мимо стойки регистрации, Микаэла зовет меня и говорит, что они связались с няней, но единственная няня – иностранка, и хотя она говорит по-португальски, она не очень хорошо говорит. Я говорю, что это не имеет значения, если она поладит с Беккой, но спрашиваю, какой она национальности.

– Это шведка, девочка, которая живет здесь со своими родителями. Она очень дружелюбная. Я надеюсь, что ваша дочь с ней поладит.

Я едва не рассмеялся, но совпадение действительно потрясающее. Кто знал, что, когда на Мадейре понадобится няня, единственная свободная няня окажется шведкой. Забавно. Я решаю ничего не говорить Бекке, чтобы посмотреть, как она отреагирует, когда девушка заговорит по-шведски.

– Не волнуйся, Микаэла, я уверен, что они очень хорошо поладят, – говорю я.

Хотя я и сам не уверен, что Бекка поладит с кем-то только потому, что кто-то говорит с ней на языке, который она знает, но это выяснится только завтра.

Мы спускаемся к бассейну, садимся за один из барных столиков и заказываем яблочный сок и тосты для Бекки и воду для меня. Чувствую солнце на спине, передумываю, снова зову официанта и меняю заказ. Нет ничего лучше холодного пива, когда пригревает солнце.

Бекка съедает тост и выпивает яблочный сок, пока дьявол трет глаз²⁸. Я спрашиваю, хочет ли она еще.

– Да, но не тост. Торт.

Я иду за единственным тортом, который, как мне казалось, ей нравится, – чизкейком, но он кончился. Однако второй яблочный сок исчез так же быстро, как первый. Лучше не есть много сейчас, дожидаться нормального ужина. Я допиваю пиво, спустя много времени после того, как исчез второй яблочный сок, подписываю счет, ставлю номер нашей комнаты, и мы снова выходим из отеля, на этот раз в другую сторону, по той же дороге – Монументальной.

Некоторое время мы идем в сторону центра, но потом я вижу, что Бекка начинает уставать, и мы берем такси.

Мы спускаемся на площадь в старой части города и прогуливаемся по узким улочкам, застроенными домами, прислоненными друг к другу, словно они опираются друг на друга. Некоторые отремонтированы, запах краски и свежего цемента преобладает в теплом воздухе вечера. Многие рестораны и таверны отремонтированы и оформлены так, чтобы выглядеть старыми, поскольку туристы любят посещать забегаловки, которые считаются аутентичными, такие, с жилыми этажами над ними.

Мы миновали рынок, уже закрытый, перешли реку по мосту, и спустились по берегу, чтобы выйти на площадь со статуей, памятником автономии острова. Мы гуляем по площади, и выходим к заливу. Бекка говорит, что устала, и поэтому мы садимся на одну из выкрашенных в зеленый цвет деревянных скамеек, лицом к морю.

Прилив, и вода уже близко к стене, хотя нельзя сказать, дойдет ли она до нее. Ветер приносит с собой запах моря, который делает воздух в этот вечер более прохладным и приятным, вокруг нас гуляют туристы и мадейцы проходят по своим делам, пока мы играем в сардинки²⁹.

Не имея ни малейшего представления сам, я спрашиваю Бекку, что бы она хотела на ужин.

– Ммм, не знаю, что-нибудь вкусное. Может быть, пирожные и сок?

Почему я до сих пор беспокоюсь...

– Но, детка, так нельзя, на ужин не могут быть пирожные, ты это знаешь. Что скажешь о стейке с картошкой фри и соусом. Много соуса?

Меня внезапно осеняет.

– Да! А потом мы можем съесть торт, нет, мороженое, огломное?

Я говорю «да», если она все съест, зная, что проблем не будет. Мы возвращаемся в отель чуть раньше шести. После пристани для яхт, заполненной парусными лодками, которые кажутся приклеенными друг к другу и к понтонам, мы находим то, что кажется большой белой палаткой, и я решаю войти туда, отчасти из-за названия, написанного на знаке; «Дом пива», потому что там, где есть пиво, обычно есть стейки и картошка фри, но еще и потому, что голод начинает усиливаться.

В зале мало людей, я спрашиваю сотрудника, можно ли тут поужинать, и когда он говорит «да», мы направляемся к одному из столиков у окна слева. Я сажусь напротив Бекки и беру меню, которое официант оставил на столе. Как всегда бывает, когда я голоден, мне трудно решить, у меня текут слюнки, кажется, от всего. Наконец я решаюсь на карри из морепродуктов. Зову официанта, прошу хорошо прожаренный стейк и чипсы с соусом для Бекки, и яблочный сок и карри для меня.

– Что будете пить? – спрашивает он, его лицо рябое и улыбающееся, а тюленьи усы делают его похожим на простофилю. – У нас есть вино, белое и красное, пиво собственного производства, безалкогольные напитки...

Он оборвал фразу в ожидании моего ответа, который не задержался.

– Кружку вашего пива. Хочу попробовать.

Два пива в один день, завтра придется приложить серьезные усилия, чтобы компенсировать это!

– Очень хорошо, сэр. 300 мл или 500?

Я хочу пить! И голод не позволяет мне хорошо соображать.

– Давай 500. Но очень холодное!

Завтра мне придется усердно потренироваться. Я надеюсь, что тренажерный зал в отеле хороший.

– Конечно, сэр. Вот увидите, вам нравится. Я быстро.

И мне очень понравилось. Вернее, нам обоим понравилось, потому что Бекка тоже ничего не оставила на тарелке. Официант подходит с тележкой десертов, но на этот раз мне уже не хочется все съесть, я выбираю фрукты и прошу для Бекки большое мороженое. Она изо всех сил пытается прикончить его, но порция действительно большая и, в конце концов, Бекка сдаётся. Официант предлагает кофе, я отказываюсь и прошу счет. Я оставляю хорошие чаевые и мы уходим, став немного тяжелее и намного счастливее.

Солнце скрывается за горизонтом, мы поднимаемся на холм слева от ресторана и идем через Жардим-де-Сан-Катарина, навстречу последним лучам. Мы проходим помеченный флагом дворец, а затем Конгресс-центр, где садимся на такси и возвращаемся в отель.

В номере после того, как Бекка почистила зубы и надела пижаму, я разрешил ей посмотреть канал «Панда», сидя на кровати и она быстро начала клевать носом. Я укладываю ее, выключаю свет, убавляю громкость и поворачиваю телевизор в сторону, не выключая его, и держу ее за руку, чтобы помочь ей уснуть. Через десять минут она крепко спит.

Я переключаю канал на Euronews, чтобы узнать, есть ли какие-то новости в случае с Манаусом, но про это дело даже не упоминают. Проблемы все те же, что и в последние несколько дней, и все они кажутся слишком унылыми, чтобы обращать на них внимание. Я выключаю телевизор и некоторое время сижу на балконе, наслаждаясь пейзажем и свободным временем перед сном.

Наутро няня приходит в девять, семинар начинается в половине десятого, согласно программе. Полагаю, получаса должно быть более чем достаточно, чтобы познакомить ее с Беккой и добраться до дворца, где будет проходить семинар.

Посмотрим, кого я должен слушать завтра: два типа утром и два днем. Сначала некий М. Фишер де Алмейда, который расскажет о конвергенции законодательства во всех западных странах и его влиянии на центры освобождения от налогов, а затем К. Антонелли о том, как центры освобождения от налогов могут продолжать играть центральную роль в развитии нуждающихся регионов, несмотря на недавно введенные ограничения. Все темы кажутся интересными, если никто из выступающих не окажется занудой, что всегда может случиться.

ЧЕТЫРЕ

Я приезжаю на семинар, почти в десять, пробка, такси тащились, как черепахи, в пробке. Праздник, похоже, никак не повлиял на транспорт.

Я захожу, беру материалы и занимаю место с краю в последнем ряду. Выходит человек, который сопровождает свою речь подробными графиками и таблицами процентных сравнений – и это все в лекции по юриспруденции? Обычно лекции не такие красочные. И хотя речь длится где-то час, это не утомляет.

В одиннадцать перерыв на кофе, выйдя из лекционной, я натыкаюсь на Нила, как обычно хорошо одетого, костюм с Сэвилл-роу³⁰ и явно менее удивленного нашей встрече, чем я мог представить.

- Калле! Vad gör du här³¹? Я думал, приедет Гомес.

Он говорит на шведском с отвратительным акцентом, который сам же высмеивает, но тут же переходит на английский, единственный язык, на котором он действительно умеет разговаривать. Обычная добродушная маска украшает его лицо.

- Да, должен был приехать он, но у него кое-что случилось.

Смех.

- Непредвиденное событие? О, я понимаю. В смысле вечеринка в доме знаменитости. Он своего не упустит.

- Да уж. Как поживаешь? Как Джанет и дети?

Он кивает:

- Хорошо, все в порядке. Слушай, как тебе удалось приехать, где ты оставил Бекку?

Я отвечаю, что привез ее с собой и что она в отеле со шведской няней, это он тоже нашел очень забавным. Нил на пятнадцать лет старше меня, и он был очень дружен с моими родителями, на самом деле, больше с матерью, через дядю Къелла они познакомились в летнем лагере. Когда они были маленькими, Нил ездил отдыхать в дом бабушки и дедушки недалеко от Уппсалы. В итоге он получил диплом юриста, а затем некоторое время работал в офисе, вместе с Мейреллесом и Гомесом в налоговой, и теперь мы сотрудничаем с его офисом в Лондоне. Он сильно помогал мне сразу после аварии, он и Джанет, а она врач, пришли, помогли мне навести порядок и позаботиться о Бекке в те первые дни. Я им очень благодарен.

Мы поговорили несколько минут, две, может, четыре, когда появились Жорж Башеле и Хавьер Роккафорте, которых я знаю, одного с летних курсов в Брюгге, а с другим мы познакомились в доме моих бабушки и дедушки. Никто из них не ожидал встретить меня здесь, и, поскольку мы не виделись какое-то время, мы решаем нагнать упущенное время и строим планы на обед, когда я мельком вижу женщину, которая мне кажется знакомой, она протискивается между людьми и исчезает за кем-то. Я соглашаюсь на время и бегу за ней, а она растворялась в толпе.

Я снова вижу ее почти у входа в комнату и в прыжке оказываюсь у ее ног.

- *Allora, questo C. Antonelli sei tu?*³² – говорю я это ей на ухо. Она медленно поворачивается, но потом почти кричит мне в ухо, повиснув на моей шее:

- Каллимеро³³! *Che bello vederti*³⁴. Что ты здесь делаешь?

Поначалу я теряю дар речи, поскольку вблизи она даже красивее, чем в последний раз, когда я ее видел, но я достаточно оправился, чтобы ответить ей, не теряя позу.

- Я пришел увидеть тебя, Чинция, что еще?

На самом деле, я даже не уверен, участвует ли она, Ч. Антонелли, в семинаре, я блефую. Тем временем наш разговор начинает привлекать внимание, и она тащит меня вглубь комнаты.

- Честно сказать, я немного нервничаю. Я никогда не выступала перед таким количеством людей, тем более по-английски.

Вот это да!

- Конечно, я смогу, но ты знаешь, как это бывает, нервничаю перед выступлением.

Чинция из Болоньи, где живет мой прадед, она дочь его большого друга, коммерциалиста – это гибрид менеджера и юриста, специализирующегося в области корпоративного и коммерческого права, - и она работает со своим отцом. Мы примерно одного возраста и познакомились в то время, когда Мия и я проводили много времени в доме прадеда Небулони, нам было пятнадцать или шестнадцать. Она и моя сестра, которые всегда выглядели старше, чем были на самом деле, всю жизнь занимались танцами и аэробикой и даже участвовали в шоу и соревнованиях. Позже Мия обменяла это на айкидо, но Чинция продолжила и, насколько я знаю, до сих пор участвует в соревнованиях.

В студенческие годы мы очень мало встречались, но не прекращали переписываться. Я не видел ее более двух лет - в последний раз, когда я был в Болонье, ее не было, но, кроме того, что она стала еще красивее, она, похоже, не изменилась. Те же длинные прямые волосы, которые доходят почти до середины спины, каштановые, настолько темные, что похожи на красное дерево, уложенные как-то затейливо на макушке, те же теплые карие глаза и те же огромные ресницы, те же очки, нет, очки другие, та же улыбка с пухлыми губами и очень белыми зубами под маленьким носиком и такое же почти идеальное овальное лицо, делающее ее похожей на фарфоровую куклу в очках.

- Я уверен, ты справишься. Как ты сюда попала? Это ты читаешь... - я прочитал в программке, - «Как освобожденные от налогов центры остаются нуждающимися регионами, несмотря на недавно введенные ограничения»?

Я смотрю на нее с высоты своих шести футов шести дюймов, и не могу не заметить прекрасный вид в вырезе ее рубашки. Я как могу борюсь с гипнотическим влечением, которое притягивает мои глаза, и стараюсь любой ценой удерживать их на ее лице, но без особого успеха, и я не знаю, заметила ли она что-нибудь. По разговору не скажешь.

- Студия часть ассоциации, которая организует этот семинар, тема была свободна, и я решила приехать. Меня интересует эта тема, к тому же, она всегда оказывается хорошим способом привлечь клиентов, пусть даже косвенно, через других профессионалов, которые приходят сюда, - Я никогда не слышал, чтобы она говорила так профессионально, кажется, что это кто-то другой. - Послушай, мне нужно кое-что сделать, но мы можем увидеться за обедом?

Я быстро соглашаюсь, может, немного взволнованнее, чем хотел бы, меня все еще охватывает жар, которым меня окатило несколько мгновений назад, но потом я вспоминаю, что уже договорился на обед, и понимаю, что мне придется отказаться от встречи, если она не захочет пойти с нами.

Она говорит, что мальчикам лучше повеселиться без нее, она не хочет мешать и тут же вспомнила, что уже договорилась с клиентом, который у них есть на Мадейре, и еще с одним парнем, который приехал с ней из офиса.

Я предлагаю поужинать, но она говорит, что сегодня не сможет, потому что организация устраивает ужин. Мы договорились пообедать завтра. Она целует меня в щеку, бархатно шепчет «Ciao bello³⁵» мне в ухо, и я смотрю, как она идет по коридору, ведущему к сцене, все еще окутанная запахами духов, которые я так хорошо знаю. Надо сказать, у девочки отличная походка. Она всего шесть футов, но кажется, что ее ноги бесконечны. Конечно, очень помогает короткая юбка. Она машет мне со сцены, я, машинально, отвечаю, даже не осознавая, что только что почувствовал, затем пожимаю плечами и поворачиваюсь спиной, чтобы пойти к «мальчикам».

- Вот так, значит? Ты нас бросил, чтобы пойти болтать с женщиной?

Жорж скусающе смотрит на меня.

- Да вдобавок ко всему, не просто женщиной. Самой красивой женщиной, которую я сегодня видел! – продолжает Хавьер.

Нил цокает языком, который, может быть только потому, что женат, кажется более сдержанным в таких вещах.

- Бьюсь об заклад, наш обед на четверых пошел псу под хвост, потому что дон Жуан уже запланировал кое-что другое.

Говорит Хавьер уверенно.

- Увы, мой дорогой Хавьер, я с большим сожалением говорю тебе, что ты ошибаешься. Прежде всего, я учел обязательства и то, о чем был уговор. Она просила, настаивала, умоляла меня пойти с ней пообедать, но я стоял на своем и отвечал: нет! Сначала друзья, а потом завоевания.

Я стою в своей лучшей театральной позе, стараясь сохранить вид праведного гнева. Жорж смотрит на меня недоверчиво:

- Что, этот памятник, эта ода женской красоте, пригласила тебя на обед с ней, а ты сказал, что ты обедаешь с друзьями?

Я кивнул.

- Мужчина болен. Я даже не знаю, выживет ли он.

Меня окружают лица, на которых я вижу только неодобрение.

- В любом случае, лучше всего пойти с ним пообедать, и не сходи с ума, когда осознаешь чудовищность своей ошибки.

Я опускаю плечи и принимаю их утешительные похлопывания, они знают, что, в конце концов, я буду обедать с Чинцией.

Лекция интересна сама по себе и помогает вернуть меня в нормальное состояние, а время до обеда проходит почти незаметно. Обеды бесплатные, и мы вчетвером решили пойти в ресторан на пристани для яхт, про который секретарши рассказали Жоржу, чтобы он славится свежестью и разнообразием рыбы. Мы спускаемся по Жардин-де-Санта-Катарина и по тротуару до Авенида-ду-Мар, пересекаем проспект, проезжаем мимо Casa da Cerveja³⁶ и продолжаем путь к пристани для яхт.

«Peixe Fresco³⁷» располагается более или менее недалеко и кажется открыт совсем недавно. Навесы в синюю полоску, плетеные стулья с обивкой одного узора, столы из светлого дерева, покрытые клетчатыми скатертями, голубыми и прозрачными, а также традиционный аквариум и стол-витрина с меню дня минимум на восьми языках, чтобы не обидеть потенциальных клиентов.

Нас приветствует многоязычный сотрудник, который, как я понял, и был автором табличек, но затем я замечаю, что все, кажется, говорят или объясняются по крайней мере на четырех из восьми языков, на которых рекламируют меню. Мы сели за столик в самой глубине зала, в левом углу, вдали от шума и суеты туристов, которые занимают столики ближе к пристани, чтобы лучше видеть, что там происходит. Мы заказали рыбное ассорти на четверых, практически, все меню дня, рыба была небольшая, приготовленная на гриле на углях, с чесночным картофелем, лимонной эссенцией и салат-латук. По настоянию Нила, любителя молодого вина, мы заказали две бутылки Alvarinho Soalheiro, сделав акцент на том, что вино должно быть «очень свежим», потому что, по его словам, это исключительное вино. Я бы предпочел пиво, но раз уж все берет вино... в поездке мы всегда ведем себя иначе.

Обед длится почти два часа между утренними и дневными выступлениями. После рыбы десерт, я не могу устоять перед любимым пудингом из маракуйи, в котором больше калорий, чем у всего обеда. Жорж оплачивает счет, говоря, что он спишет его на представительские расходы, так что остальные могут не беспокоиться, все благодарно соглашаются, решив заплатить за его выпивку при следующей встрече.

Мы вышли из ресторана и спокойно направились обратно во дворец конгрессов. Мы пришли, когда первый оратор вышел на сцену.

Я возвращаюсь на свое место и изо всех сил стараюсь не уснуть на этой скучной лекции, которую докладчик читает бесцветным голосом, о стратегиях налогового планирования с использованием центров освобождения от уплаты налогов, еще не включенных в черный список. Удачный пример того, как даже использование цветной графики не может сделать некоторые темы интересными. По крайней мере, у нас есть релизы выступления, которые я могу отдать Гомесу, потому что я даже не могу делать заметки.

Еще перерыв, в полчаса. Я решаю прогуляться. Похоже, это всего лишь презентация услуг, которые может предоставить организация, и все это должно быть в брошюре, которую они мне дали, когда я приехал. И похоже, когда я отправился в Перл-Бэй, а за мной двинулась толпа других участников встречи, они должны быть, пришли к тому же выводу, что лучше прогуляться во время презентации.

XXXX

Я приезжаю в отель после приятной прогулки и иду к бассейну, чтобы встретиться с Беккой и няней, которую зовут София, и с которой я почти не разговаривал сегодня утром, потому что она опоздала. Я нахожу их двоих у крытого бассейна, плещущихся в детском бассейне.

- *Hej, Kalle! Titta, ja'badar*³⁸

Ясно, я вижу, что они провели день, разговаривая по-шведски, должно быть ее трудно заставить передумать.

- Привет, детка, ты много играла с Софией?

Она говорит «да», заговорщицки глядя на другого, которая ей подмигивает и говорит «тишш!», прикладывая палец к губам.

- Да, мы много играли. Она сказала «идем к воде», поэтому мы пришли сюда

В конце концов, это было несложно. Я открываю рот, чтобы задать еще один вопрос, но она меня перебивает.

- Знаешь, сегодня я ела рыбу гланде.

Я смотрю на Софию, которая одними губами говорит «жареная рыба» и указывает на бар у бассейна.

- О да, и тебе понравилось?

Она качает головой и серьезно продолжает:

- Это была рыба очень глааанде, вот такая.

Она руками показывает почти два фута, озорно смотрит на меня и Софию, чтобы увидеть, поймались ли мы на удочку, но когда она видит, что мы еле сдерживаемся, чтобы не рассмеяться, она тоже смеется и пытается облить меня водой, но, поскольку я этого ожидаю, я вне досягаемости.

- Послушай, малышка, а что, если вы с Софией оденетесь, и мы сходим перекусить?

Она начинает прыгать в воде, разбрызгивая ее.

- Йуху! Перекусить! Я хочу торт!

Посмотрим, думаю я. София осторожно помогает ей выбраться из бассейна, осторожнее, чем это сделал бы я, надевает на Бекку халат, заворачивает ее в полотенце, берет холщовый мешок со стула у бассейна, и они вдвоем поднимаются на лифте в комнату. Я буду ждать их в кафетерии.

Они появляются через двадцать минут. Бекка в голубом платье с короткими рукавами, в кремовых сандалиях, которые я никак не мог заставить ее надеть, с лентой во влажных волосах, о наличии которой я даже не подозревал. Она выглядит довольной, как ребенок, которому нравится его одежда. Каждый раз, когда Бекка так похожа на мою сестру, мне хочется ее увидеть.

София, должно быть, переделась в одежду, которая была у нее в сумке, потому что на ней нет ни тужель, ни джинсов, ни хлопкового свитера с длинными рукавами, в котором

она пришла сегодня утром. На ней светло-зеленое хлопковое платье, длинное и с лямками, с принтом цветов в оттенках темно-зеленого и белого, парусиновые босоножки на деревянных каблуках, в которых она почти моего роста, через руку перекинута вязаное пальто кремового цвета. Кажется, она накрасила губы и глаза, и вместо хвоста сейчас у нее темно-рыжие кудри, струящиеся по плечам и спине. Лицо широкое и гармоничное, под густыми рыжеватыми бровями очень ясные и большие зеленые глаза, обрамленные длинными рыжими ресницами, нос маленький и вздернутый, характерный для многих скандинавов, но у нее полные и чувственные губы, которые уже не так характерны. Зубы ровные и белые - признак тех, кто не пропускает визиты к дантисту, и у нее красивая улыбка, которая подчеркивает зелень ее глаз, которая, кажется, усиливается, когда она смеется. Кожа кремового цвета, с головы до пят испещрена веснушками, что делает ее чем-то похожей на Пеппи Длинный Чулок, и поэтому она хорошо смотрится рядом с детьми. Я не большой поклонник рыжих, но должен сказать, что внешность у Софии очень интересная - девушка красивая.

Они садятся рядом со мной, и Бекка начинает с того, что просит яблочного сока и хлеба с ветчиной, о торте она забыла где-то по дороге. София заказывает мазагран³⁹, а я, вспоминая обед и две бутылки молодого вина, прошу минеральной воды.

- Så, Sofia, du bor här med dina föräldrar?⁴⁰ - говорю я.

- Да, но все зовут меня Фия, и мы можем говорить по-португальски, если хочешь.

Мне это кажется странным, поскольку я помню, как Микаэла с рецепшена сказала, что она плохо говорит на этом языке.

- Хорошо, как хочешь, и резюмируя, ты живешь здесь с родителями и говоришь по-португальски, вопреки тому, что о вас думают на стойке регистрации.

Она рассмеялась чистым приятным смехом.

- Я думаю, что, скорее, они не понимают меня, чем то, что я плохо говорю по-португальски.

Ее акцент - легкий, северный, из Порту или даже выше, но я бы ни в коем случае не назвал это плохим португальским.

- Да, я понимаю, о чем ты, - говорю я с улыбкой. - А как ты сюда попала?

Она пьет мазагран, скрещивает ноги и поправляет платье, прежде чем ответить.

- Моя мама - приглашенный профессор морской биологии в университете, и мои родители живут в Фуншале в течение учебного года.

Я думаю, что должно быть интересно так жить между двумя местами, я спрашиваю ее, чем занимается отец и как он умудряется ездить в Фуншал с женой и сохранять свою работу, она отвечает, что он писатель, но вскоре добавляет, что не знаменит, и я меняю тему.

- А откуда северный акцент?

Снова кристально чистый смех.

- Ну, конечно, от мамы!

Она снова смеется, но, поскольку больше ничего не говорит, я не настаиваю на расспросах. Тем временем Бекка, заскучавшая от нашего разговора, ушла в сад. Она спрашивает меня, чем я занимаюсь, где мы с Беккой живем и как мы разговариваем между собой по-португальски или по-шведски. Я ловлю себя на том, что рассказываю ей историю своей семьи с тех пор, как мой прадед был полевым помощником итальянского военного атташе в Мадриде, как он женился на моей прабабушке, которая была испанкой, и как ему удалось пережить войну. Я рассказываю о своем дедушке, который приехал в Португалию на экскурсию и уехал отсюда женатым на бабушке, и как мой отец, который всегда проводил много времени с прадедом по материнской линии и моим двоюродным дедом, в итоге стал юристом в Португалии.

- У вас еще более смешанная семья, чем у меня. Ну, думаю я, это ты еще не знаешь материнскую линию.

- А как познакомились твои родители?

Не желая слишком растягивать повествование, я просто говорю, что они познакомились в университете в Мадриде, когда моя мать поехала туда по обмену на семестр, и что я родился через несколько месяцев после этого.

- Вау, что за история! Это романтично. А где они сейчас живут?

Вопрос был неизбежен, и на него нужно ответить, чего бы это ни стоило.

- Мои родители мертвы. Они погибли в автокатастрофе вместе с моей средней сестрой, матерью Бекки.

Я вижу, как она на мгновение бледнеет.

- Ой, извини, я не знала.

- Нет, нет, не волнуйся. Ты же не могла знать. Во всяком случае, прошло больше года. Но мы еще не отошли.

- Понимаю. Должно быть, это было ужасно. Я даже не могу представить, каково это потерять родителей таким образом.

- Это был большой шок. Тем более, что они ехали присмотреть для моей сестры и Бекки у подножия Кашкайша, видимо, заблудились и упали с обрыва, без видимой причины. Бекка единственная выжила, без единой царапины, потому что ее выбросило в маленьком кресле, в котором она вылетела из машины и упала посреди кустов, которые смягчили падение. Моим родителям и сестре не повезло, и ремни безопасности их не спасли.

- И это произошло просто так?

Я всегда думал, что слышать такие вопросы мне дорогого стоит, но нет, я чувствую себя странно легким, как будто с плеч сняли что-то тяжелое.

- Выглядит так. Был свидетель, он сказал, что там был большой внедорожник, зарегистрированный за границей, Suburban⁴¹ или что-то в этом роде, но все было слишком далеко, чтобы быть уверенным, и машину так и не нашли. В любом случае, похоже, что этому человеку приглянулась капельница, и он умер вскоре после сердечного приступа, а полиция не нашла никаких доказательств в машине моих родителей, потому что она так сильно ударилась во время падения, что разбилась в кашу. И как будто этого было недостаточно, бензобак, который мой отец заполнил до краев, взорвался и помог стереть все возможные следы.

- Боже мой. Я даже не знаю, что сказать. Мне жаль, что я спросила, я не собиралась напоминать тебе о чем-то подобном, - говорит она с влажными глазами.

- Не страшно, если честно, мне полезно поговорить. Я слишком долго сидел в своем горе. Я очень беспокоюсь о Бекке и мало думаю о себе, и, возможно, мне нужно было поговорить о том, что произошло.

Это заставляет меня задуматься.

- Как насчет твоих друзей? У тебя есть любимый человек?

Ну, знаешь, я никогда не был душой компании. Несколько знакомых, которые вежливо исчезли после аварии, я полагаю, чтобы позволить пережить мне горе, но потом они забыли вернуться. Моя девушка решила, что Бекка будет слишком сильно влиять на наши отношения, и сказала, что нам лучше расстаться. Конечно, у меня осталось несколько друзей, но, учитывая, что случилось с остальными, я решил, что лучше оставить их в покое и позаботиться о Бекке. После аварии она чувствовала себя довольно плохо - шок, тремор и кошмары, много кошмаров. Ей было очень трудно признать, что они умерли. Даже сейчас ей все еще снятся кошмары.

- Девушка просто глупая, конечно! - сквозь зубы говорит она об Изабель, краснея в то же время, когда понимает, что я слышу. Я объясняю, что это уже не имеет значения, что мне кажется, что так даже лучше, потому что, если бы она осталась, это не продлилось бы долго. Она соглашается. После небольшого молчания я снова говорю.

- Хорошо, но оставим это. Что прошло, то прошло, хотя, к сожалению, изменить нельзя. Хочешь еще что-нибудь выпить?

- Нет, спасибо. Чтобы полностью сменить тему, я хотела бы знать, что ты хочешь для Бекки. Когда мне позвонили, они говорили очень расплывчато, просто сказали, что ты приехал на семинар и тебе нужен кто-то, чтобы посидеть с дочерью. Полагаю, я тебе нужна не только днем, но и вечером, из-за ужинов, верно?

- Да, в принципе так, но не сегодня. Я не выдержу ужин, потому что я хорошо пообедал и не хочу есть слишком много. Я подумал, просто поужинаю с Беккой ... и с тобой, если захочешь составить нам компанию.

Добавляю я, не зная, что еще сказать.

- Нет, спасибо. Я ценю приглашение, но не могу. На самом деле, это хорошо, что ты так наелся днем, потому что сегодня я ужинаю с друзьями моих родителей, которые приезжают. Если бы ты не приехал в отель, я бы попросила, чтобы меня кто-нибудь заменил. Однако завтра и послезавтра я свободна и могу остаться, так что не беспокойся о Бекке.

Я благодарю ее и спрашиваю, она прямо сейчас уходит, и когда она говорит «нет», я спрашиваю, сможет ли она остаться еще на час, пока я схожу в бассейн, чтобы сжечь калории обеда. Она снова смеется, должно быть, она очень веселый человек, думаю я. Она говорит, что может, но она хочет пойти и посмотреть. Теперь моя очередь смеяться.

- Ты можешь прийти, если хочешь, там же бар, не так ли? Вы с Беккой можете подождать там, пока я сжигаю жир.

Она смотрит на меня с видом человека, который не понимает, о чем я говорю.

Я встаю со стула и иду к лифту, а она стоит и смотрит, как я ухожу. Я поднимаюсь в комнату, надеваю костюм и шорты, махровый халат, который нашел в ванной, тапочки, которые были в кармане халата, и возвращаюсь вниз. Они меня ждут, мы садимся в лифт и спускаемся на уровень моря.

Они садятся за один из столиков, я делаю разминку и медленно спускаюсь в холодную воду морского бассейна. В течение следующего часа я плаваю как можно интенсивнее, просто чтобы не замерзнуть, переходя от одного стиля к другому, чтобы быстро не устать. Когда я, наконец, выхожу из бассейна, мышцы ноют, но чувствую я себя необычно хорошо. С меня капает вода и Фия протягивает мне полотенце, с любопытством глядя на меня, я не совсем понимаю, что значит это выражение. Но это длится всего секунду, Бекка зовет ее, и Фия отвлекается. Я вытираюсь, надеваю халат, тапочки и мы возвращаемся в отель.

Фия прощается, обещая прийти завтра вовремя. Я говорю ей не волноваться. Мы с Беккой ждем, пока она садится в C3 Pluriel, на котором она приехала, а потом машем ей, пока она выезжает с парковки.

- Знаешь, Калле, мне очень нравится Фия, - говорит мне Бекка, поднимаясь на лифте в спальню.

- Очень симпатичная, да? - я отвечаю несколько рассеянно, вспоминая, что забыл позвонить Кройцеру, чтобы узнать о Лентце.

Нужно сделать это завтра. Эта история вызывает у меня любопытство. Хотя и кажется, что она уже исчезла из новостей и газет, опыт подсказывает мне, что это не означает, что история окончена. И получил ли мое письмо Бошан?? В любом случае, если он подаст признаки жизни, Габриэла позвонит мне, мне не о чем беспокоиться.

Мы ужинали в номере, Бекка устала, да и я начинал ощущать последствия плавания. После того, как она засыпает, я звоню в обслуживание номеров, чтобы они забрали посуду и выхожу на балкон, чтобы увидеть огни Фуншала и подумать, где я буду обедать с Чинцией завтра.

Как бы то ни было, кто бы мог подумать, что я найду ее здесь спустя столько времени. Будет забавно поболтать, если я смогу оторвать взгляд от ее декольте... я уснул прямо на стуле. Замерзнув, я просыпаюсь и ищу досыпать в постель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.